18+

# ХРОНИКИ АЙО

Данил Темнов

Данил Темнов

# Хроники Айо

«Издательские решения»

**Темнов Д.**

Хроники Айо / Д. Темнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628199-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Хроники Айо» — это сборник фантастических, метафизических и мистических рассказов, который откроет доступ к слоям мироздания. Он положит начало продолжительному путешествию и поведает о тайной организации «Пандорум»; об осколке метеорита, изменяющего реальность; о страшилах, обитающих в тесных тёмных углах. Некоторые события происходят в той реальности, в которой вы читаете эту книгу, другие же — во снах или чьей-то голове. А что-то происходит прямо сейчас в нашей коллективной памяти.

ISBN 978-5-00-628199-8

© Темнов Д.

© Издательские решения

# Содержание

Содержание 6
Молчание 7
Истинное желание 32
Конец ознакомительного фрагмента. 45

# Хроники Айо

# Данил Темнов

© Данил Темнов, 2026

ISBN 978-5-0062-8199-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«*Молотые зёрна сомнений лучше пробуждают ото сна*»

# Содержание

Молчание

Истинное желание

Роботы и голуби

Отдел кадров

Загробный клуб

Дом по соседству

Авель

Ничего страшного

Иллюзион

Евклидово пространство

# Молчание

– Альфа! – окликнул я. Радостная лайка бегала вокруг меня по снегу. – Альфа, ко мне!

Довольная собачья морда, озорно виляя хвостом, подбежала ко мне и с покорностью дала её пристегнуть на поводок. Сегодня у Альфы будет первая поездка в пристяжной повозке после реабилитации. Не так давно она повредила лапу в одной из экспедиций. Сейчас я вывел её, так сказать, «пощупать снег» перед дорогой. Пока она была на «больничном», её место вожака занимала Айо.

Сегодня Альфа встанет в строй, но не в первых рядах. Пожалуй, посередине ей будет полегче. С этим решением я подошел к дому кинолога Миши готовить свою стаю. Мне предстоит в очередной раз выслушать от него наставления, как правильно обращаться с лайками. Он в этом отношении очень щепетильный и дотошный. Для него собаки роднее людей.

В моей стае присутствуют довольно интересные личности: Герда, Айо, Радон, Плуто, Орион, Кай, Ричи, Альфа, Тайлунг.

Герда и Кай – игривые умные хаски. Они не брат с сестрой. Просто, их нам привезли вместе из одного питомника.

Радон – белоснежный красавец породы Западносибирская лайка. Он прилетел к нам из кинологического института. В темноте он не светится и опытов над ним не ставили. Его содержали при институте, для совершенствования подготовки и обучения.

Плуто, Орион, Тайлунг и Ричи – пушистые Аляскинские маламуты. Очень непоседливые и всё подряд грызущие монстры. Их нам транспортировали со станции далеко юго-восточнее нашей, которую затопило из-за глобального потепления.

Альфа – Восточносибирская лайка. Красивая и статная. Её нам подарил один полярник-исследователь, который на пенсии занялся разведением собак. У Альфы даже какие-то медали есть. Но в экспедицию она их не надевает. Хранит дома на стене нашего кинолога Миши.

Айо – загадочная Тунгусская лайка. Я привёз её с собой. Заметил у неё интересную особенность, когда мы гуляли в лесах тайги. Она всегда чувствует, или даже, знает путь домой. Как бы глубоко и далеко в лес мы не заходили. Она всегда находит сначала меня, а затем дом. Я так привык к этому, что даже перестал брать в походы компас и карты. Я всем говорю, что в детстве Айо проглотила нить Ариадны.

* * *

По всей нашей полярной базе аккуратно и равномерно, словно масло ножом, размазано чистое снежное безмолвие. Настоящий рай интроверта. Как приятно здесь выйти наружу в –46°С и вдохнуть свежий обжигающий ноздри воздух, а затем выдохнуть живой тёплый пар. Если в аду жара, то рай ледяной, по идее, поэтому здесь – ни души. Ну, кроме малочисленного населения исследовательской станции.

Сегодня ожидается обычный солнечный, насколько это возможно для нашего полярного круга, вторник.

Текущее задание у меня несложное: взять груз в точке А, отвезти в точку Б и вернуться. Никаких новых горизонтов открывать не нужно. Маршрут протоптан и заезжен так, что могу с закрытыми глазами проехать.

С утра я погрузил оборудование с нашей базы. Через полтора часа повезу его в заповедник «Тацита». Учёные там обнаружили какую-то герметичную пещеру с древними микробактериями. У них вертолётной площадки нет, поэтому все поставки идут через нашу базу транзитом.

Перед выездом со станции я зашёл в метеоблок и попросил Ника ещё раз проверить метеорологические данные.

– Скорость ветра: 8 м/с, температура воздуха за бортом: -12°С. Вероятность бурана три процента, – буркнул он мне, запивая слова горячим чаем, и подытожил. – День улётный.

Николас – учёный-метеоролог, слегка потёртый опытом. Матёрый полярник с седыми усами и бородой, почти как у Санта Клауса. По совместительству, начальник станции.

Я проверял работоспособность GPS-трекера, облокотившись на стеллаж с оборудованием. В кабинете было тепло. Я уже стоял весь в амуниции и тёплой одежде, поэтому слегка вспотел. Это меня раздражало. Но такая низкая возможность бурана меня обрадовала.

– Если удача улыбнётся тебе, и ты попадёшь в три процента, – Ник, ехидно усмехнувшись, ткнул пальцем в карту сектора на мониторе. – Вот тут будет сторожка. Топи туда.

Я поглядел на монитор, фыркнул, уткнулся в дебри полок и достал оттуда рюкзак:

– Ник, я в курсе, где убежища, и в буран уже ездил. А там, где ты показываешь, вообще остался стоять целым только деревянный туалет.

– Всё будет хорошо, Майк. Я знаю, какой ты неудачник, – прыснул в густую бороду Ник, и продолжил уже серьёзно. – Если отрубится твой личный маячок, то у ездовых есть в ошейниках. Недавно оснастили. Отследим по собакам, главное, не потеряй их. Если связь пропадёт, с ближайшей станции взлетит ЭХО-дрон и «прозвонит» местность. Ну, сразу после бурана. В общем, если что-то случится, группа выдвинется на твои поиски. Моё дело – провести инструктаж.

Я упаковал все свои вещи. Накинул на плечо рюкзак, подошёл к дверям и обернулся. Фигура Николаса горой возвышалась на фоне мерцающих мониторов.

– Я уже взрослый и самостоятельный, – сухо бросил я на прощание.

– Удачи, Майк, – расплылся Ник в бородатой чеширской улыбке.

* * *

– Майк! Майк, приём! – шепеляво кричала рация. – Майк! Буран! Двигайся к убежищу! В таком буране ты ещё не ездил!

– Ник, я знаю! Я уже в нём! – рвал горло я в рацию. – Почему не предупредил? Ты проспал?

– Миш, я тебе богом клянусь, он просто появился из ниоткуда. В одну секунду датч… шшх… шпишли….шхлась как новогодняя гирлянда, – пробивался сквозь помехи Ник. – Какая-то анома… шшитш… шайош… шшшт… уже наготове выдвинуться к тебе, как только стихнет.

– Приём! Ник? – судя по всему, связь отвалилась. На всякий случай, я ещё пару раз переспросил, но в радиоэфире поселилось шипящее молчание.

«Да уж, вот тебе и удача», – подумал я.

Сумасшедший ветер хлестал по глазам и щекам. Острые снежинки добавляли ветру когтей. Буран закрывал собой весь мир, и солнце не могло пробиться своими лучами сквозь него. Он бил слева, пинал справа, давил своими паскалями, прижимал к земле. Стекленела сама душа. Холод собачий, одним словом. Двумя.

Я стоял в упряжке и подстегивал своих лаек. Их было 9. Как греческих муз, как планет, как кошачьих жизней. 9, как кругов ада.

9 моих хвостатых ангелов в шерсти, мчащих меня подальше от ледяной смерти в бесконечной пустыне зимы.

Всё моё человеческое существо сейчас поставлено на карту. У меня в руках вожжи от девяти спасителей, но моя жизнь в их лапах.

Жадно я впился глазами в монитор своей электронной GPS-карты. Я не вижу её на вытянутой руке, приходится подносить, почти впритык, к маске на глазах.

В 36 км позади меня появились красные мерцающие точки. Это запустили ЭХО-дроны с нашей базы. Они отыщут меня хоть на заснеженной дороге, хоть под ней. Только вот, почему запустили сейчас? Их же сметёт ветром.

Вдруг одна из ездовых собак взвизгнула. Сквозь непроглядываемую стену истерично танцующего снега я не смог разглядеть, какая именно. Только сейчас я понял, что вообще не вижу собак впереди повозки. Я дёрнул поводья, чтобы остановить сани. Поводья с лёгкостью поддались, будто и не были привязаны к собакам. Да и вообще моя ронта, похоже, стоит на месте. В этом снежном вихре ни черта не видно.

Намотав поводья на руку, я увидел, что другой их конец оторван. Не отгрызан, не перерезан, не откусан.

«Теоретически… Да нет, даже теоретически это невозможно», – подумал я и снова поднёс GPS-карту к глазам. Возле моей синей точки на карте я видел 9 жёлтых точек вокруг меня в радиусе 5 метров.

– Что за чёрт? – сказал я вслух и начал приматывать оторванный конец верёвки к поясу. Другой конец привязал к саням. Я много слышал историй о том, как люди погибали в сильном буране и не могли найти дом, который стоял от них в метре.

Убедившись в надёжности узла, я пошёл искать свою стаю. В одной руке держал верёвку, в другой карту. Я ощущал себя космонавтом, связанным «пуповиной» с МКС. И я прыгнул в эту белую неизвестность без страха, потому что осознавал, что смогу вернуться.

Я двигался навстречу дронам и собакам и звал их:

– Тайлуунг!

Я упал от ветра, поднялся и продолжил идти.

– Радоон!

Меня начало тревожить, что я не слышу их лая.

– Ориооон!

Тревога усиливалась, пульс и дыхание участились. Волнение начало подбираться сквозь складки одежды к моей душе.

– Плуутоо!

Верёвка в руке натянулась. Со жгучей надеждой выбраться, набрав полную грудь обжигающего ледяного ветра, крикнул:

– Айооо!

Буран усилился и стал вдруг сереть, а затем прекратился в миг, будто его не было. Я даже не заметил перехода. Как не замечаешь в комнате перехода из тьмы в свет, когда щелкаешь выключателем на стене.

Я снял маску с глаз и недоуменно огляделся. Никакой дороги нет вокруг. Собак тоже не наблюдается. И, что странно… Пар изо рта не идёт. Я вгляделся в карту: восемь точек вокруг моей точки, и ещё две приближаются – два дрона. Но в окружающем мире нет и намёка на собак или дронов. И почему собак восемь? Странно это всё.

Дёрнув за верёвку, я снова не почувствовал сопротивления. Я прошёл взглядом по верёвке и обнаружил, что на её конце нет саней! А я вообще стою на льду! Вокруг меня лёд. А под ним что-то чёрное и глянцевое, словно огромная шайба. Размером с обруч. А вокруг этой шайбы белый глянцевый круг, будто снежный айсберг. Только из нетающего под водой снега. Я вижу движение воды подо льдом, а эти два круга не двигаются. Стабилизированы. Какие-то подводные чёрно-белые платформы или что-то, типо того. Может быть, сейсмический буй.

Я отошёл на несколько метров сматывая, верёвку и тут до меня дошло – это зрачок! Огромный зрачок под водой, который резко сместился чёрным кругом в мою сторону.

– О, Боже…. – выкатилось из моего побледневшего лица. От неожиданности у меня всё выпало из рук, и я сам, потеряв равновесие, упал на лёд. Моё тело оцепенело. Сознание кипело, пытаясь смириться с тем, что это реально. Я не знал, что делать. И только глухой удар по льду подо мной, заставил меня выскочить из оцепенения и побежать в сторону ближайшего заснеженного берега.

Сердце стучало быстрее моих шагов по льду. В ботинках отвратительно хлюпал пот. Но, кроме стука сердца и ботинок, я также слышал ещё один стук. Редкий, массивный и глухой. Я взглянул под ноги и натурально подпрыгнул, и заорал. Прямо подо мной, по ту сторону льда, огромное чудовище долбило по льду клешнями, как у богомола. У него была гигантская акулья голова с золотыми рогами, на толстом китовом туловище вместо плавников на груди красовались клешни. Чёрное чешуйчатое тело заканчивалось не обычным хвостом, как у китов, а копной щупалец, как у кальмара. Размером каждое щупальце, кажется, с анаконду.

До берега мне оставалось метров пятьдесят, как вдруг очередной удар отозвался не глухим стуком, а треском льда, всплеском воды и оглушительным гулом. Такой гул можно услышать, когда падает высотное здание. Я вложил все силы в прыжок. И через пару секунд лёд под ногами ушёл под воду.

Время замедлилось. Вывернув голову в полёте, я увидел как мимо меня, клацая, пролетает открытая зубастая пасть. По бокам у неё жабры, размером с человека. Её глаза медленно и жадно вращаются в поисках меня. Столкнувшись взглядом с рыбьим глазом, меня снова ударило страхом, как током. Щупальца существа вынырнули из-под воды вслед за телом, рассекая воздух в разные стороны. Одно из щупалец ударило в воздухе по мне с такой силой, что я услышал хруст. У меня потемнело в глазах. Ударом меня отшвырнуло на берег. Время продолжило свой бег.

В последний миг перед приземлением мне удалось хоть как-то сгруппироваться. Но полностью погасить инерцию падения у меня не получилось. Удар волной боли прошёлся по всему телу, и все эти волны остались пульсировать в левой руке. Кажется, сломалась.

Распластавшись по снегу, я не мог отдышаться. Челюсти сводило от боли. Лёжа, я начал поочерёдно двигать конечностями и телом. Кроме левой руки, всё остальное двигалось терпимо, если не считать ноющей боли в мышцах от перенапряжения.

Я повернулся на бок, зачерпнул здоровой рукой снега и вытер им лицо. Посмотрел на потрескавшийся лёд этого моря, или океана, или чем это может быть. В нём плескалось существо размером с пассажирский лайнер и ревело так, будто огромный бур вонзается в метал.

– Какое, к чёрту, море? – прохрипел я севшим голосом. – Где я вообще?

Осмотревшись, я обнаружил, что снег вокруг меня серый, а не белый, каким ему принято быть. Серый берег на котором я сидел оканчивался горами справа, а слева уходил за горизонт. Берег плавно перетекал в некрутой склон и километрах в пяти от воды обрывался холмом.

Было пасмурно. Серые тучи заволокли небо так, что даже солнца не видно. Я сел, вытянув ноги. Голова закружилась. Шипя от боли, начал осматривать руку. Перелом закрытый, скорее всего в двух, если не в трех местах. Боль в плече и кисти. Пальцами могу двигать с трудом и пронзительной болью. Опираясь на правую руку, я поднялся.

«Собак потерял, сани с оборудованием потерял, рюкзак с инструментом и провизией потерял, да и сам потерялся», – начал я анализировать свое положение. Взглянул на барахтающееся чудовище в воде и вздохнул: «Карта и верёвка утонули».

В этот момент рыба-гигант развернулась у поверхности воды и скрылась в глубине, размахивая щупальцами. А через некоторое время, с утробным рёвом, вновь выпрыгнула из воды, почти у самого берега. Я завороженно смотрел на её полет, пытаясь запомнить её строение. И, внезапно, осознал, что эта «рыбья пятиэтажка» летит прямо на меня.

– Господь… – только и прошептал я, и начал бежать в сторону холмов, подальше от берега.

«На суше у этой махины должна быть скорость меньше, чем под водой», – тревожно зашуршали мысли. Но вслух заорал другое:

– Да как она вообще дышит здесь?!

Я бежал, стараясь не споткнуться и не упасть. Левую руку я прижал к груди, из-за чего бежать получалось с трудом. Каждый шаг пронзал руку болью. Не оборачиваясь, я слышал, как эта тварь клацает зубами, втыкает в снег свои клешни, и как, хлюпая и шлепая, она передвигает свои щупальца. И всё это под гортанный титанический рёв существа.

Через несколько минут интенсивного бега я развернулся. Я понял, что больше не слышу эту тварь. Обернулся – никого, будто сквозь землю провалилась.

«Только этого ещё не хватало», – пронеслась у меня мысль. – «Чтобы это чудище из-под земли вынырнуло».

Я быстро скинул с себя парку, аккуратно снял свитер и водолазку, стараясь не двигать сломанной рукой. Достал нож-мультитул из ремня на поясе. Отрезал рукава от водолазки и вдруг осознал, что мне не холодно. Я стою по пояс в термобелье посреди пустыни, покрытой серым снегом, вдали от меня море, затянутое льдом, – но я не чувствую холода.

Хмыкнув, я надел водолазку-безрукавку, свитер и усердно стал обвязывать отрезанные рукава вокруг шеи и руки. В процессе заметил, что наручные часы встали на 19:59. Я пощупал внутренний карман парки и достал смартфон – тоже не работает.

«Мне бы ещё что-нибудь вроде палки», – подумал я, высматривая что-то подобное.

Ничего не обнаружив вокруг, я оделся, убрал нож на пояс. Сел на парку, и что-то уткнулось в поясницу. Я чуть не подскочил, но вспомнил, что у меня с собой термофляжка на поясе. Я всегда беру её в любую экспедицию, несмотря на то, сколько термосов в рюкзаке. Это подарок матери.

Я бережно отстегнул и поднёс фляжку к лицу:

– Ты ж моя хорошая, – сказал я ей, радостно улыбаясь. Я сделал один небольшой глоток. С трудом подавил желание присосаться к ней вновь, и выпить всю воду до дна. Я зажал её между коленей и резко воткнул герметичную крышку. Будто поставил точку. Воду надо беречь. Пока неизвестно, где здесь добыть воду и какого она качества. Я в сотый раз прочитал надпись на фляжке:

*Хранителю полярного круга.*
*Если ты хранишь молчание,*
*Пусть молчание хранит тебя.*

*Я люблю тебя, сынок.*

– И я тебя люблю, мам, – сказал я, пронзив тишину. Из глаз поспешили на выход слёзы. Я быстро вытер их. Вдруг, ещё замёрзнут.

Я вспомнил, как мама провожала меня в мою первую вахту на полярный круг и подарила эту фляжку. Можно сказать, я из-за матери и стал «хранителем полярного круга». Так она меня называла в шутку. Она любит шутить.

В юности мне было тяжело общаться и взаимодействовать с людьми. Когда-то давно, в мои студенческие годы, мы с мамой пили чай на кухне. В одностороннем порядке обсуждали мою неразговорчивость и нелюдимость. И она в шутку бросила тогда: «Может, тебе полярником стать? Сидишь среди снега, показания с датчиков записываешь и общаться ни с кем не нужно».

И я сильно призадумался в тот момент. Вот так, одна маленькая несерьезная мысль, явилась в мир шуточным словом и привела к серьёзному действию.

Я бросил свой экономический университет и пошёл учиться на геолога. Мать, конечно, жалела о своих «воробьях», которых не смогла поймать. Которые изменили мою жизнь. Сначала был скандал, потом спор, затем торг, и, в конечном счёте, принятие. И подарок на память.

Вынырнув из воспоминаний, я пару минут посидел, прислушиваясь. Здесь почти также тихо, как на нашей базе. Только там молчание белое, а здесь серое.

После небольшого привала, я встал, надел парку, застегнулся одной рукой. Пустой рукав куртки засунул в карман. И двинулся к вершинам.

«Возле нашей станции не было никаких морей и океанов», – начал я размышлять в пути. – «Ближайшее море – Лаптевых, но до него далековато. Я б на упряжке ехал месяца два, наверное».

«А что это за тварь на меня напала?» – всплыла более очевидная мысль. – «Неужели, это какой-то доисторический динозавр, в ледяных водах сохранившийся живым до наших дней? Может он спал в каком-нибудь криосне?»

«Почему собак стало 8?» – внезапно вклинилась мысль. – «Опустим тот момент, что я неизвестно где, чуть не был убит порождением акулы и богомола. Но ведь сигналы их маячков были рядом с моим».

Неожиданно для себя, я начал строить цепочку половых связей акулы, кальмара и богомола.

«Ну, предположим акула с кальмаром, да – они, хотя бы, в воде находятся. Но богомол-то сюда какими судьбами втиснулся?» – даже не успев представить эту глупую мысль, я рассмеялся и провалился по пояс в снег. Матерясь, на чём свет стоит, я одной рукой выкарабкался из серого капкана. Настроился на серьёзные мысли и продолжил долгий путь.

«Да и не мог я уехать далеко от базы», – вернулась к теме разговора настойчивая мысль. – «Я проехал не больше часа пути. Если за мной вылетели дроны, если они обнаружили собак, то помощь уже в дороге, а может и на месте. Хотя б собак заберут. Но почему собак – 8? Надеюсь, просто маячок сдох. Существует вероятность вообще всего, и уж тем более такой мелочи».

Я вспомнил, как наш кинолог Миша хвастался новыми маячками, которые прислали для пристяжных. У них внутри какой-то механизм, заряжающий аккумуляторы от движения самих собак. Такие же используют на полюсе для чипирования белых медведей. Чтобы отслеживать их популяцию и передвижение.

Через пару часов изнурительной ходьбы я добрался до вершины холма. На пути не встретил ни палки, ни камня. Пару раз провалился под снег. Каждая клетка моего тела ныла от усталости. Пустой желудок ворчал. А рука на груди пульсировала и стонала.

То, что я увидел за холмом заставило меня восторженно оцепенеть, открыв рот. Передо мной распростёрся склон. Недалеко от него мощной тёмной стеной тянулся к небу лес. Слева рядом со склоном виднелись, будто призрачные, величественные горы. Таких высоких гор я даже не видел воочию. А по склону шли люди. Сердце ухнуло, при их виде. Исключительный момент, когда я рад встрече с людьми.

Взглядом насчитал 9 человек. Они шли на лыжах с громоздкими рюкзаками. Шли в сторону гор, противоположную от меня сторону. А за ними тянулась красная дымка, которая на фоне серого окружения, контрастом резала глаза.

«Жалко бинокля нет», – подумал я с азартом. – «Разглядеть бы, что за дымка».

Группа людей удалялась от меня. Расстояние до них составляло километров десять. Я крикнул им пару раз, но они меня так и не услышали. Что ж, остаётся только догонять насколько это возможно.

Я расстегнул парку и достал фляжку. Постарался вытянуть пробку двумя пальцами. Не вышло. Начал вытягивать её зубами. С трудом откупорил и выплюнул крышку на снег.

В этот раз прилип к фляжке на два глотка. Один за то, что достиг холма, второй за то, что встретил людей. Почти встретил. Аккуратно зажал фляжку между колен и закупорил.

«Эти люди – моя надежда на еду, воду, помощь и спасение», – подумал я и справедливо заметил. – «Но без лыж мне их не догнать».

– Ну, в погоню! – подбадривая себя, я смело шагнул. И с первым шагом провалился в снег по колено.

* * *

Через часа три, по моим меркам, мне удалось их настичь. Они сбавили темп, затем остановились и начали ставить палатку. Если б не это, наверное, я б их никогда не догнал. Меня, правда, смутило, что палатку они ставят посреди склона в паре километров от леса. Приближаясь, заметил, что дымка вокруг них пропала. Может быть, это был какой-то горный оптический эффект. В группе были молодые парни и девушки. Одеты довольно просто, по сравнению со мной, даже как-то по-советски. Шапка с надписью «Спорт» на голове у одного, у другого – «Турист». Некоторые натянули капюшоны. На теле что-то наподобие пуховиков, но какого-то старинного образца. Поверх них ветровки. На ногах тёплые штаны из простой плотной ткани. Всё без лейблов и надписей каких-либо зарубежных фирм.

Запыхавшись, я подошёл к ним и поздоровался:

– Здравствуйте!

– Ой, здравствуйте.

– Приветствую.

– Здарова, коль не шутишь.

– Меня зовут Май… эм… Миша. Какая удача, что я вас встретил, – сбивчиво и восторженно воскликнул я, восстанавливая дыхание.

– Да, тут редко кого встретишь. Можно сказать, никогда, – задумчиво сказал мой собеседник.

– Меня зовут Коля, это Александр, это Людмила, Игорь и Юрий, Георгий и Александр, – указывая на товарищей, познакомил меня Коля и потом обратился ко мне. – Ты чего, заблудился?

Я протянул было руку, чтобы поздороваться. Но, не увидев ответной реакции, скомканным движением почесал лоб.

– Ох, я… Да. Я доставлял оборудование, потом буран меня… – начал было я рассказывать свои злоключения, но споткнулся на мыслях об акуле.

«Если я сейчас начну им рассказывать про гигантскую акулу-богомола, выбросившуюся на берег, чтобы меня догнать… Они примут меня за сумасшедшего. Нужно что-то придумать более…» – рассуждал я про себя, но мысли перебил Коля.

– А почему ты без лыж, без рюкзака, без снаряжения? Или так, погулять вышел? – заметил он с ноткой недоверия в голосе. – Да и одежда у тебя интересная такая, «ненашенская». Ты иностранец, что ли?

– Иностранец?… Я геолог. Доставлял оборудование, попал в буран. Переждал и устроился на привал. Потом пошёл за топляком для костра в лесок неподалёку. А когда вернулся, лавина сошла. Вещи все под снегом остались, а я вот, руку сломал, – соврал я и показал пустой левый рукав.

– Даа, беда знакомая, – прищуриваясь сказал мне Коля. – Пойдём в палатку, отогреешься. И поподробнее расскажешь.

Мы с Колей пошли в сторону палатки, пока остальные ребята с интересом разглядывали меня, будто я не с этой планеты.

– Тут у нас Зина и Рустем кашеварят, – Коля отогнул кусок брезента, встал снаружи и пригласительно вытянул руку.

Палатка была составлена из двух сшитых кусков брезента. И снаружи выглядела просторной. У входа, воткнутые в снег забором стояли простенькие лыжи.

Я, пригибаясь, вошёл в палатку. Внутри у входа были сложены лыжные ботинки и валенки. У дальней стенки стояла затопленная буржуйка. За ней на брезенте были видны косые порезы. По бокам лежали вещи и спальные мешки. Несколько старых футляров для фотоаппаратов. Обещанных Колей людей нигде не было.

Я развернулся и, вдруг, увидел ещё порезы в палатке, будто кто-то забыл, где выход и хотел прорезать новый. Сердце тревожно заколотилось. Отодвигая рукой плотный полог, я вышел и огляделся. Снаружи пусто и тихо. Туристы пропали. И с ними, будто, весь звук из мира исчез. Даже снег под ногами перестал хрустеть. Я вернулся в палатку.

«Так ладно, я столкнулся с аномалией», – предположил логически. – «Первым делом выживание, вторым – объяснения».

На буржуйке стоял походный котелок. В нём готовилась гречневая каша с тушенкой. Я присел на корточки и хотел взять котелок, но обжег пальцы и одёрнул руку.

Глазами забегал по вещам, в поисках чего-то наподобие тарелки. Я открыл ближайший ко мне рюкзак и начал искать тарелку. Наткнулся на жестяную небольшую миску.

– Ребята, извините, можно я…? – сказал я в тишину палатки и остолбенел. Я не услышал собственного голоса. На секунду мне показалось, что мне показалось. И я повторил. – Ао! Ау? Раз-два, приём.

Тишина. Звук выходил из моего рта, я чувствовал, как слова вибрируют в горле, но до моих собственных ушей они не долетали. Я пощелкал пальцами возле уха. Звука нет.

«Так, либо я оглох, либо одно из двух», – прикинул я и напомнил себе. – «Но сначала – выживание».

Я взял миску, нарочно прогремел ею о бок буржуйки. Тишина. Затем взял ложку из котелка, постучал ею по краю. Тишина. Положил себе в миску и начал есть. В тишине.

Тёплая еда одурманивала. Я ощущал какой-то неземной восторг. Такая обычная и такая потрясающая каша с тушёнкой. Я хотел есть её, пока ем её. Тепло проникало в каждую клеточку тела. От наслаждения насыщения начало клонить в сон. Усталость напомнила о себе, вытягивая и утяжеляя тело.

Я отложил миску в сторону и громко сказал в тишину:

– Спасибо, очень вкусно!

И вздрогнул от звука собственного голоса.

– Так, ну понятно… – сказал я уже чуть тише, ничему не удивляясь. – Я это… Тарелку потом помою.

Изрядно вспотев, я снял парку и начал сооружать из подручных материалов шину. Какие-то обломки лыж лежали возле буржуйки. Плотный эластичный тросик я нашёл в одном из рюкзаков, в другом – небольшое полотенце и обмотал им лыжные доски, чтоб было помягче.

Закончив накладывать шину, я начал искать среди лыжных ботинок свой размер.

«Вот будет незадача, если я выйду в чужих ботинках, а они там стоят», – стыдливо подумал я. На слове «они», я почувствовал тревогу. Холодный страх, обёрнутый «тёплым приёмом», начал понемногу заползать в сознание змеинной поступью.

В стены палатки стал задувать ветер. Снег влетал сквозь разрезы на стенах и делал атмосферу холодной и негостеприимной. Уличный ветер разгуливал по палатке, как у себя дома. Он, будто подгонял. Выгонял наружу.

Я нашёл свой размер и переодел обувь. Свои ботинки за шнурки повесил сзади на ремень, возле левого бедра. Вспомнил о фляжке на ремне справа. Достал. Отхлебнул. Убрал. Надел парку. Вышел.

На улице уже стемнело. С неба сыпался серый снег. Ветер кружил его, швырял, усиливаясь. Я посмотрел в небо и увидел звёзды. Начал выискивать созвездия, чтобы хоть приблизительно понять, где я нахожусь. Взгляд зацепился за одну самую яркую звезду. Казалось, будто она падает. В следующий момент я понял: она действительно падает. Звезда начала увеличиваться в размерах. На один миг замерла, а на второй вспыхнула.

Всё вокруг озарило, как в ясный день. К шуму порывистого ветра присоединился ещё и низкий усиливающийся гул. Но яркость не прекратилась, а только нарастала. Ночь превращалась уже не в день, а в белый лист. Я будто смотрел на сварку изнутри сварочной дуги. В последний момент, когда ещё существовал контраст, я успел заметить столб дыма в стороне леса. И зажмурился.

Такое чувство, будто мои веки прозрачные, и сквозь них я смотрю на солнце. Рукой я закрыл глаза, потерял равновесие и упал. В какой-то момент гул резко прекратился. Аккуратно щурясь сквозь ладонь, я оглядел серую снежную округу. Здесь снова царствует ночь с таким видом, будто её никто и не тревожил.

Я поднялся и всмотрелся в столб дыма. Он шёл из-за какого-то холма.

«Это они? Или то, что упало?» – задумался я. – «Но если что-то упало с неба, я б услышал звук столкновения с землёй».

И вспомнил, как в палатке пропали звуки. Что ж, узнаю, когда увижу. Глазам я доверяю больше, чем ушам.

Возле палатки я взял единственную лыжную палку, воткнутую в снег. Покрутил в руках. На моё удивление нижний её конец был заточен ножом, как затачивают копья. Хмыкнув, я вытащил лыжи из сугроба. Встал на них, защёлкнул крепления и двинулся в сторону дыма. Усиливалась буря.

«Кажется, это молчаливое место начинает оживать», – начал я погружаться в раздумья. Как вдруг громкий шорох и хруст за спиной заставили меня вздрогнуть.

Я немного замедлил ход и оглянулся. Лавина снега, плотная и ровная, будто доска, сошла с горы высоко над палаткой. И начала скатываться по горному склону, как по маслу.

С замиранием я наблюдал, как снежное лезвие несётся на палатку, и рассчитывал его траекторию. Результаты вычислений заставили меня ускориться и начать неистово работать ногами, отталкиваясь палкой в одной руке.

Сначала было несподручно: меня, то и дело, заворачивало вправо. Через некоторое время я приловчился и бешено набирал скорость.

Вскоре я услышал треск палатки, снесенной заледеневшим настилом. Треск заставил меня не расслабляться и поднажать. А громкость звука говорила о том, что я отъехал от лавины на приличное расстояние. Но звукам я больше не доверяю.

Я вспотел и, запыхавшись, въехал на небольшой склон, за которым шёл дым. Оглянулся назад за плечо.

Лавина замедлилась у подножья холма и остановилась. А впереди я увидел могучий кедр, как маяк стоящий перед лесным островом. Возле кедра горел костёр, а не упавшее небесное тело.

Сильно взяв разгон, я лихо летел с холма. Пытаясь разглядеть кого-либо возле костра, мой взгляд, будто примагнитился к пламени. Языки огня были неестественно багровыми.

Я начал притормаживать, уходя немного в сторону. Сделав крюк, остановился. Возле кедра я обнаружил двоих. Они копошились у костра, пытаясь согреться. Там, где я только что проехал, увидел девушку.

На холме, на сером снегу взгляд выцепил ещё три тёмных туловища, ползущих в сторону палатки.

Я отстегнул лыжи и опираясь на палку, пошагал к людям, которые, видимо, пытались согреться у костра. Приближаясь, я разглядел, что на них нет тёплой одежды и обуви.

– Эй! Что с вами! – окликнул я тех, у костра. Они дерганно развернулись в мою сторону, и я увидел их застывшие в ужасе лица. Туловища их были раскурочены. Рёбра выломаны. Кожа, которая обтягивала их тела, была фиолетового или оранжевого цвета. Они что-то шептали мне, но ветер не давал расслышать.

– Шт… шт… что св… с вами? – заикаясь, выдавил я.

Зрачки расширились, волосы встали дыбом. Дыхание и пульс участились, увеличивая приток крови к мышцам, переводя организм в боевое состояние.

Я попятился назад и увидел слева девушку, бредущую ко мне.

Руки у неё были неестественно задраны в локтях к голове. Будто она хотела защитить голову от ударов. Грудная клетка вывернута наружу, словно из этой клетки вырвался на свободу дикий монстр. Её лицо было покрыто ледяной корочкой, что не помешало мне увидеть её изувеченное лицо. Но лучше бы помешало.

Нижняя челюсть у неё болталась на груди. Язык вырван. А вместо него из глотки свисали мышцы и сухожилия, на которых держался язык. На верхней челюсти не хватало кусочка губы посередине. Нос, будто отгрызан. Смотрела она на меня пустыми глазницами. А кожа по всему телу почернела от переохлаждения. Одна её нога была в ботинке, а вторая совершенно босая.

Я непроизвольно закричал. Крик рвался из груди наружу, руководствуясь какими-то древними инстинктами.

– Нет! Нет! Нееет! – грубо и дико орал я на девушку. Не осознавая до конца, с чем именно я не согласен.

С несовместимыми с жизнью травмами этих людей? Или с тем, какие муки они испытывали? Или же с тем, кто мог такое причинить? А может с тем, что они продолжают двигаться и испытывают ко мне какой-то необъяснимый интерес?

Я понял, что нужно бежать в лес. Начал было бежать, не успев развернуться полностью, но споткнулся о лыжную палку, которую всё ещё сжимал в руке. Перед собой на расстоянии вытянутой руки я увидел трех мужчин. Они были одеты потеплее. У одного была обувь на ногах. А у другого также не было языка и глаз. С них троих бежала вода. Они смотрели на меня укоризненно и утробно повторяли:

– Зачеем?

– Зачеем?

Теряя равновесие и падая, я на миг коснулся одного из них ладонью. Мой мозг тут же переполнился сковывающей болью, продирающей, как мороз – до костей. Сознание начало вспыхивать секундами мрачных кадров.

Зубы. Агония. Череп. Излом. Скелет. Трупы. Крики. Артерии. Страх. Вены. Истерика. Дуло. Ель. Тайна…

Наваждение оборвалось так же резко, как нахлынуло. Я жадно вдохнул и вскочил, обдирая ботинками снег с коры этой проклятой горы. Не оборачиваясь, помчался в лес.

Я бежал сломя голову, пока в потемках леса не споткнулся о корягу и влетел в какой-то овраг. Лыжный ботинок остался в капкане ветвей на снегу. Падение звучно выбило воздух из лёгких и отдало в сломанную руку. Плита боли плашмя ударила по нервам. Из глаз брызнули слёзы. Я зажмурился и закусил ворот парки, мыча. Изогнув голову, открыл глаза. Взгляд воткнулся в какой-то туннель в мерзлой земле. Я отдышался и спешно пополз в него.

«Надеюсь, это не берлога или хотя бы пустая», – сквозь боль, с надеждой подумалось мне.

На трех точках опоры я аккуратно вползал в земляную нору. В зубах стискивал ворот парки, каждый раз, когда левая рука сминалась между землёй и грудью. Через пару минут уже стало не так тесно, и я смог встать на четвереньки. Или как это называется, когда стоишь на трех конечностях?

Я старался не дышать и всё внимание направить в слух. Зрение хоть и привыкло к темноте, но здесь не было даже полумрака, чтобы увидеть хоть какие-то полуочертания. Еле дыша,

я прополз ещё несколько сантиметров. И тут мне в нос ударил спёртый запах шерсти. Я, умоляя всех богов, вытянул дрожащую руку вперёд. И упёрся в шерстяной бок медведя.

«Ну вот и всё…» – пронеслась мысль. Так обычно проносится автомобиль реанимации мимо стоящих в ряду машин.

В следующий миг я по-кошачьи подскочил на всех конечностях и в воздухе развернулся в сторону выхода. Прыжок был довольно резким и сильным. Отчего удар о потолок берлоги воткнул меня в землю. Ботинок скользнул по мерзлой земле и ударился в медвежий бок.

Все мои ничтожные запасы сил брошены, чтобы вылететь как пробка из берлоги. Я полз как хромой паук, упираясь в стенки тоннеля. Как змея, стараясь вытолкнуть себе всеми мышцами и конечностями: подбородком, носом, животом, спиной, коленями, бровями.

Боль фонила и трещала, как счётчик Гейгера в Чернобыльских подвалах. Я кричал, корябая горло. Когда я услышал позади себя рык из глубины норы, то закричал ещё сильнее. Я почувствовал, как у меня седеют волосы, и чешется голова под шапкой.

Сознание рисовало, как голодная разбуженная пасть хватает меня за ногу и утаскивает во тьму берлоги. И страшную мысль от ужасающей реальности отделяет один миг. И каждый миг из тех, сколько осталось ползти, может стать таковым.

От перенапряжения сознание начало слабеть. Я пребывал в полуобморочном состоянии. Наконец я выбрался наружу. Вцепился в край заснеженного туннеля, ломая ногти, упёрся сломанным локтем в землю, как рычагом, и вытянул себя из берлоги. Вскочил, на мгновение обернувшись. И увидел когтистую лапу, и следующую за ней, недовольную, взлохмаченную морду медведя.

Я снова бежал по лесу. Снося собой маленькие сухие сучья, и раздирая себя и одежду об крепкие хвойные стволы. Хромая одной ногой в шерстяном носке. Сил больше не осталось. Их нет. Они закончились. Мой бег уже представлял из себя не отталкивание ступней от поверхности, а вколачивание их в снежный пол.

За спиной я слышал гневный рев и тяжёлый галоп медведя. Инстинкт понимал, что нужно бежать, но тело отказывало. Все запасы организма истощились. В глазах потемнело. Я ослаб и с трудом дышу. Кажется, будто я уже смотрю на себя со стороны. Шатаясь и замедляя бег на ватных ногах, я рухнул на колени.

«Всё. Больше не могу. Это конец», – пульсировала мысль под приближающийся топот. – «Сейчас он вгрызётся в мою плоть, а у меня нет сил даже закричать. Так молча и умру».

Мощная медвежья лапа опустилась на левое плечо, чиркнув когтями по щеке. Я покачнулся и ждал, смирившись. Из глаз потекли слёзы отчаяния. С трудом я пытался отдышаться.

«Сейчас. Сейчас. Сейчас…», – в обречённом дуэте с сердцем стучала мысль.

Спиной я чувствовал невидимую пасть над моей шеей, словно занесённый топор палача. Секунда за секундой в ожидании казни тянулись и раздражали, как капающий кран в бессонную ночь.

На правое плечо навалилась вторая лапа. Краем взгляда я скользнул по ней. Это оказалась чья-то рука.

«Вот и они догнали», – подумал я, смирившись с ещё более жуткой кончиной. Я представил, как мое бездыханное тело, как куклу, разрывают на куски и делят между собой медведь и изуродованные фиолетовые мертвецы. Я хотел закусить ворот куртки в ожидании предстоящей боли. Но тот кусочек воротника уже был откушен.

– Вставай, Миш, а то колени простудишь, – заботливо сказал чей-то сухой голос.

Сердце с силой захлопнуло клапан, и сознание оставило меня.

* * *

На крохотной поляне в лесу горит костёр. Его пламя, пульсируя, расталкивает тьму холодного леса. Метель таскает за макушки могучие хвои. В лабиринтах леса бродят зловещие тени, позвякивая кандалами.

У костра сидит шаман, укрытый медвежьей шкурой и задумчиво курит трубку. Цепкий ветер треплет его длинные седые волосы и уносит дым в свои закрома.

Позади шамана мирно свернулся медведь, укутанный сном. Его шерсть покрывалась снегом, перекрашиваясь из бурого в серый.

Возле костра на хвойных лапах лежало тело. Снежные мухи кружились над ним. Грудная клетка ритмично поднималась и опускалась. Очередной порыв ветра поднял искры из костра и швырнул в бледное лицо.

* * *

Моё лицо укололо десятком крохотных горячих точек. Я резко вынырнул из небытия и обтерся рукавом. Опёрся на здоровую руку и осмотрелся. Взглядом прошёлся по шаману и медведю за ним. Увидел возле себя свои ботинки. Посмотрел на ноги в одном лыжном туфле и зябко поежился. Тело громко болело, будто его перемололи в кофемолке и заставили жить.

– Я всё ещё здесь? – спросил я шёпотом, хотя уже знал ответ.

Шаман кивнул, приоткрыв глаза. Я, превозмогая боль в мышцах, подтянул свои ботинки и начал переобуваться, растирая замерзшие ноги. То, что я чувствую как мне плохо, говорит о том, что я ещё жив. Я внезапно удивился и понял, что снова чувствую холод.

Ободранной рукой с грязью и кровью под ногтями, я достал фляжку и сделал пару глотков. Протянул шаману, тот покачал головой и отказался. Я прокашлял горло и хрипло спросил:

– Где я?

– Ты в памяти. В общей памяти людей, – убрав трубку отвечал шаман. Каким-то выцветшим, сухим голосом с нотками незнакомого мне акцента. – Чем меньше люди помнят, тем более блеклым здесь всё становится.

– А ты тоже воспоминание?

– Почти. Я жил здесь сотню лет назад. Мой дух остался здесь оберегать землю моих предков. А память моих потомков обо мне поддерживает мой дух, так скажем, в здравом уме. И то, каким ты меня видишь и слышишь, это лишь твоя интерпретация.

Я сделал паузу, переваривая его слова своей чугунной помятой головой. И продолжил:

– Кто эти люди на горе?

– Это фантомы тех, кто был зверски убит здесь и упокоен без ритуалов. Их души вмерзли в этот момент навсегда. Они помнят, что им нужно закончить восхождение. Но уже и не помнят зачем.

Шаман поднёс трубку к губам и начал раскуривать угасающие угольки. Мы посидели минуту в тишине метели и он продолжил объяснение:

– За перевалом их ждёт Харон. Но фантомам мешает то, что живые постоянно тормошат их прошлое, их память, их самих. Для живых – это загадка. А загадка коллективной памяти как заживающая рана, которую люди постоянно чешут, ковыряют и не дают ей зажить. Поэтому, эта группа всегда умирает здесь различными способами, кто какие помнит или придумал.

– Так тот гигантский кальмар с клешнями – это Харон?!

– О, ты с ним встретился?

– Он меня чуть не убил!

– Конечно. Живых он не переправляет.

Я ошарашенно смотрел на спокойное лицо шамана, испещрённое морщинками. И, кивнув за его спину, спросил:

– А медведь – это кто?

– Это духи предков.

Даже немного возмутившись такому ответу, я почесал голову через шапку, обдумывая следующие вопросы.

– Что за красная дымка была вокруг людей?

– Это ореол обречённости.

– А я могу этим фантомам помочь преодолеть перевал?

– Здесь ты им ничем не поможешь. Ты не в прошлом, ты в памяти о прошлом. Только вернувшись, ты можешь постараться помочь.

– А я могу вернуться?

– Конечно.

– И как мне это сделать?

– Я проведу обряд изгнания чужероди. Ты здесь, как неупокоенный дух. Хоть и пребываешь живьём. Как инородное тело в организме этих мест. Ведь тебя здесь никогда не было. Сразу скажу, ты можешь умереть или сойти с ума, вернувшись. Такая вероятность есть.

– Три процента? – усмехнулся я.

– Может и три, – флегматично согласился шаман и затянулся трубкой.

– И ещё. За каждый переход нужно платить. Если ты появился здесь целым, значит ты что-то отдал там. Теперь тебе нужно отдать что-то здесь, чтобы вернуться обратно.

– О, нет… – выдохнул я, вспомнив про восемь точек, вместо девяти.

Я вспомнил свою стаю, своих лаек. Я люблю каждую из них, и не готов смириться с потерей даже одной. Как же я давно их не видел! Кажется, гулял с Альфой не вчера, а сто лет назад. А по тайге мы с Айо блуждали будто бы в прошлой жизни.

Внезапно у меня изо рта вырвался вопрос:

– А как я сюда попал?

Шаман немного помедлил перед ответом, будто обдумывал, рассказывать мне об этом или нет. И всё же решил рассказать:

– Ты, как бы тебе сказать, расфокусировался со своей реальностью. Попал в положение, когда мир не видит тебя, а ты не видишь мир. Почему тебя занесло именно сюда, я не знаю. Может что-то или кто-то выдернуло тебя сюда. Только память о тебе всё ещё держит тебя там. Твой Контур в настоящем мире. Здешняя реальность тебя отторгает, а твоя реальность тебя не отпускает. Пока что.

На последней фразе шаман слегка покачал ладонью.

«Значит меня помнят. Меня ищут», – подумал я и решился.

– Вот, это самое ценное что у меня есть, – я протянул ему фляжку, подарок моей матери.

– Хм… Ты уверен? – прочитав текст на фляжке, хмыкнул шаман.

Я поджал губы и кивнул.

Шаман взял чашку возле костра, добавил в неё какие-то травы и коренья, вылил воду из моей фляжки. Поставил чашу на камень возле костра и начал нашептывать на воду, ритмично покачиваясь. Когда варево начало булькать, он убрал его с камня. Перевернул над чашей свою трубку и начал что-то сыпать из неё. Я пригляделся и увидел, что это снег. Но снег не таял в этом отваре. Медведь за его спиной пошевелил носом, принюхиваясь во сне.

– Пей до дна, – сказал шаман и протянул мне отвар.

Я взял в руку и принюхался к парящей чаше. От неё шёл травянистый запах. Я начал жадно пить сладковато-горький отвар, силой проталкивая его себе в утробу. Рот, гортань и пищевод приятно обожгло. Затем тепло опустилось в желудок и оттуда разошлось по всему телу. Весь рот, а потом и лицо, начали неметь. К горлу подступил тошнотный ком, и меня начало рвать прямо в чашу, из которой я пил. Меня стошнило какой-то желчью в вперемешку с кровью и кусками полупереваренной тушёнки с гречкой. При очередном порыве тошноты в чашу что-то шумно плюхнулось. Я присмотрелся в ярких сполохах костра и увидел собствен-

ный язык! Он даже ещё изгибался в этом бульоне, словно пытался что-то сказать отдельно от тела.

Дыхание перехватило, а шаман поспешно забрал чашу у меня из рук. Покачал в ладони, что-то наговорил на неё и вылил в костёр. Полуобгоревшие головешки зашипели, будто он разворошил змеиный дом. В нос ударил запах трав, железа и жареного мяса. Пламя стало слабее, дав возможность окружающей тьме подступить ближе.

Своим увядающим сознанием я ощущал, что шипение костра складывается в шёпот, а потрескивания в некоторые буквы.

Треск полешек сопровождался всполохом голубых искр. И эти искры, перемешиваясь с дымом, взлетали в небо к самой луне, не переставая светиться. Из-за чего весь дым местами переливался лазурью. Ветер перемешивал в воздухе снежинки, но столб дыма не сбивал.

Бесконечная пуповина извивалась, скручиваясь об воздух. Состоящая из чего-то бездонного и тёмного, изредка моргая голубыми всполохами, казалось, она пробивалась из глубин земли и протыкала звёздное небо, сплетаясь с чем-то неизвестным и необъятным в недрах вселенной.

Заворожённый этим зрелищем я пытался что-то сказать, но не мог. Получалось только гортанно мычать и тянуть гласные. Я не мог поверить, что это мой язык догорает в костре. До последнего я надеялся, что всё онемело во рту, и поэтому пока не чувствую ни языка, ни щёк, ни дёсен.

В этот момент мне показалось, что у меня текут слюни по подбородку. Я вытер их и посмотрел на ладонь. По ней размазана кровь. Тогда треморными пальцами я полез в рот, чтобы потрогать язык. В ротовой полости было непривычно просторно. Я не обнаружил его. У меня не было языка! Шаман забрал его. Мой дар речи. Неужели, такова плата?

Я зарыдал. На меня накатила волна истерики. Сжавшись в позу эмбриона, я выл как маленький мальчик. Когда не знаешь никаких слов, не умеешь говорить. Изо рта текла кровь на еловый лапник. Я уже ничего не хотел. Никуда не хотел. Я устал.

Из тьмы вокруг ко мне медленно подступала красная дымка.

Мой вой подхватил чей-то чужой вой. Каким-то потусторонним дуэтом вторил моему. Я поднялся и посмотрел в сторону, где сидел шаман. Он пропал. На его месте стоял серый сугроб, очертаниями напоминающий шамана. За сугробом лежало несколько валунов. По виду эта каменная композиция походила на спящего медведя. Потрескивая голубыми искрами, костёр продолжал нашептывать. Глазами я пытался сфокусироваться в том месте, откуда был слышен вой. Ветер неприятно бил снежной крошкой по глазам.

Я попробовал повторить это ещё раз и завыл. Что-то, словно с нетерпением ожидая, завыло прямо за моей спиной. Скрипя сухожилиями, я развернул своё переломанное и измученное тело.

Моему взору предстал величественный волк, сияющий голубым светом в плотной холодной лесной тьме. Он стоял на холме вдалеке и, задрав голову к луне, выл. Только сейчас этот вой показался мне знакомым. Я присмотрелся к волку и подумал: «А разве у волков хвост колечком?»

Меня прошиб пот. Я вскочил, едва не упав снова, и завопил:

– Ауо?!

На секунду задумался, почему не получается выговорить правильно. Сердце забилось часто, но впервые по-доброму.

Волк на холме увидел меня сквозь тьму. От этого взгляда потеплело на душе. Он завилял хвостом.

Я ломанулся на встречу моей верной спасительнице. Продирая своё обшарпанное тело сквозь ветки и буреломы, я радостно вопил навзрыд:

– Аио! Аааиоооо!

Айо неслась ко мне навстречу, а за ней тянулся шлейф голубого света. Она ловко перепрыгивала мёрзлые кочки и ледяные овраги, не забывая радостно лаять на ходу.

Мы встретились. Я сел перед ней на колени и крепко прижал к себе. Я чувствовал её тепло и, ослеплённый слезами, целовал собаку в её шерстяную довольную морду, оставляя на шерсти красные разводы. Она в ответ радостно облизывала своего заблудшего хозяина, продолжая озарять всё вокруг своим светом.

Я рыдал от счастья. Голубая тонкая нить надежды в моей душе распустилась тысячами плотных соцветий. Я наконец-то глубоко и спокойно вздохнул.

«Айо, прошу, отведи меня домой», – мысленно попросил я её.

Она, будто, прочитав мои мысли задорно тявкнула, переминаясь с ноги на ногу, и повела меня в грот в глубине леса. И тьма перед ней уважительно расступалась.

**Эпилог**

Я, протискиваясь сквозь ущелье, вышел из темноты. Предо мной предстал зал грота, освещенный холодным светом прожекторов. Всюду тянулись провода, и стояло какое-то оборудование. Крутился маленький локатор. В нос ударил запах бензина, а в уши дребезжание электрогенератора. Айо обнюхивала окрестности, а я упёрся взглядом в человека. Он легко одет, сидит, облокотившись на стену грота и бормочет что-то себе под нос. Глаза у него сильно покраснели, под ними темнели фиолетовые мешки. Сам он немного посиневший. Я даже поежился от его вида. Здесь было довольно холодно.

Айо заметила человека и строго гавкнула на него. Человек вздрогнул, поднял глаза на собаку, а затем перевёл на меня.

– Кто-то… Здесь, кто-то… Удержать и сохранить… Кто-то? – доносилось до меня его бормотание.

Человек встал и двинулся в мою сторону. Айо предостережительно зарычала и встала в боевую стойку. Я сделал пару шагов к человеку. Внезапно, что-то запищало в том месте, где стояли технические устройства с локатором.

– Кто-то… Я уж… С возвращением! Я уж думал, там… никогда… ты никогда не вернёшься. Там! – закричал он мне и резко вскинул руку. – Стой там!

Айо заметив резкое движение начала рычать и подступать к странному человеку. Я мысленно обратился к лайке: «Не надо».

– Не приближайся! – крикнул человек и закрыл рот воротом футболки. – Лежит… Там возле ущелья лежит респиратор и комбинезон… кто-то… Надевай!

Он немного заторможенно направился к аппаратуре и нажал несколько кнопок. Писк прекратился. Локатор перестал вращаться.

Я посмотрел вокруг себя, куда указывал человек и обнаружил герметичный завакуумированный пакет. Открыл его и начал надевать комбинезон и респиратор. На комбинезоне заметил значок радиоактивности. Айо села возле меня и не сводила глаз с человека. Тот, в свою очередь, не замолкал:

– Ты не в случае… Ни в коем случае не должен заразиться… кто-то… Не пугайся, я здесь, чтобы спасти тебя. Я несколько… не спал уже… путаются… несколько дней – мысли путаются. Хорошо, что на собак это не действует. Кто-то… К сожалению, накормить тебя и оказать помощь не могу сейчас. Кто-то… Я заражён.

Надев защитный костюм, я вопросительно посмотрел на моего собеседника, насколько позволяла защитная прозрачная маска комбинезона. Не знаю, увидел он мой немой вопрос или нет. Человек был явно не в себе. Зачем не спать так долго в ожидании моего возвращения?

– Хорошо… кто-то… что тебя не было здесь. С Тациты вырвался вирус, или бактерия, или… кто-то. Он… путём… передаётся воздушно-капельным путём. Мы пока не знаем всей

его сути. Кто-то… – человек на какое-то время завис, уставившись на меня, его глаза начали медленно закрываться. Вдруг у него на руке что-то пикнуло, и его ударило током на секунду. С такой силой, что я услышал неприятный треск.

– О, чёрт! Так-то лучше. Я опять уснул. Спать нельзя. Подожди минутку, – он подошёл к импровизированной лежанке из спального мешка и одежды, взял из открытого чемоданчика небольшую трубочку. Замахнулся и воткнул себе в ногу. Трубочка коротко пшикнула и ввела инъекцию в тело. – Это боевые стимуляторы. Я дошёл до крайности. Кофеин, таурин больше не действуют. Восприимчивость организма ослабела к ним. Мне нужно поддерживать себя в сознании. Иначе…

Он махнул рукой, жестом подзывая меня к себе. А сам начал одеваться и собирать некоторые вещи, продолжая разговор. Я заметил ожоги на его руке, возле устройства, которое било током.

– Меня зовут Герман, кстати. Я здесь по заданию. По твою душу, можно сказать. Нас прислал Пандорум, чтобы исследовать твоё исчезновение. Точнее аномалию, в которую ты вляпался. Но никто не предполагал в штабе, что на соседней станции обнаружат нечто. Какой-то вирус, который вызывает термофобию и заставляет тело человека леденеть. Буквально даже в теплом помещении заражённый покрывается льдом. Знаешь, будто полярность сменили. Тело начинает генерировать не тепло, а холод. Из-за бурана мы не смогли передать образцы в штаб. Но пока назвали этот вирус «Крион».

Я не понимаю зачем он мне всё это рассказывает. Голова начинает болеть от такого потока информации.

Герман надел рюкзак, подошёл к оборудованию, отключил его. И повернулся ко мне:

– Выключи генератор, будь добр.

Я прошёлся по гроту и щёлкнул тумблером. Прожекторы тут же потухли. Возле меня голубоватым свечением озаряла темноту Айо.

– Занятное явление, – заметил Герман светящуюся собаку и включил фонарик. – Поехали.

Я шурша подмерзающим костюмом, двинулся к выходу из грота. Айо шла между мной и нашим новым спутником. Герман ступал впереди бодрее, чем раньше.

– Когда заражённый засыпает, температура его тела падает, и вирус переходит в активную фазу. Что-то там ломает в ДНК или в мозгу, меняя режим организма с «разогревание» на «охлаждение». Поэтому я не сплю. Но, к сожалению, без сна мозг и сам начинает разрушаться. Главное не допустить распространения этой заразы. Ну и тебя доставить живым. Так что, не снимай костюм. В туалет в штабе сходишь, – пояснил Герман и добавил. – Можешь не переживать за то, что я тебе наговорил. Мне просто очень хочется поделиться тайнами, они жгут меня изнутри, а в Пандоруме и так о них все знают. Так что, мы иногда рассказываем людям о себе, а потом стираем всё из их памяти. Получается, как бы и рассказал, облегчил душу, и в то же время, тайное осталось тайным. Так мы действуем на виду у всех, оставаясь в тени.

Меня, мягко говоря, шокировало его заявление. Я не хотел связываться с каким-то тайными фанатиками и обдумывал, как добраться до Ника и покинуть это проклятое место.

Мы вышли из грота. Нас встретила снежная звёздная ночь. Снег перемешивался со светом космических тел. Герман стянул заснеженный брезент со снегохода, стоявшего у выхода. Этим же брезентом укрыл какой-то туго перевязанный свёрток у выхода. И задумчиво оглядел нас с Айо. Остановив взгляд на моей сломанной руке.

– Собаку, значит, в корзину посадишь. Держитесь крепко, главное. Я буду гнать быстро – действие стимуляторов не вечное.

Герман отследил мой взгляд на свёртке и пояснил:

– Это Антон. Мы поехали встречать тебя вдвоём на тот случай, если одним из нас придётся платить за твой переход. Но он не дотянул – уснул. А ты, я так понимаю, уже чем-то заплатил.

Он завёл снегоход. Я посадил Айо в корзину снегохода позади себя. Погладил её лохматую голову, которая доверительно смотрела на меня. И мы выдвинулись в сторону базы. В сторону полярного дома.

* * *

Я вошёл в метеорологический блок. Всюду горел свет. Хором гудели трансформаторы, оборудование и сервера. Я с размахом открывал двери комнат, кабинетов, залов. Рядом шла Айо, изредка что-то вынюхивая. Кроме нас тут больше никого не было. Блок выглядел не заброшенным, а оставленным, как и все предыдущие. Будто все в один момент бросили свои дела и покинули это место. В столовой я увидел перед кассой подносы с посудой, на которых заплесневела и сгнила нетронутая еда. В душевой, в одной из кабинок текла вода. В некоторых комнатах работал телевизор.

В одной из комнат я случайно взглянул на себя в зеркало и отшатнулся: сквозь прозрачную маску комбинезона виднелись острые скулы, на одной из которых зарубцевалась царапина от медвежьих когтей; впалые исцарапанные щёки и мешки под глазами; взгляд пустой и отчуждённый; кое-где из-под шапки торчали серые волосы.

Я с ужасом прогнал из головы мысль, открыть перед зеркалом рот. Не хотел даже и думать, что я там увижу. Да и респиратор не хотелось снимать.

Дошёл до кабинета Ника. Включенные мониторы разгоняли полумрак кабинета. Комната пропахла запахом корицы – любимого чая Ника. На столе стоит его кружка с нарисованными красными рукавицами и хвойными ветками. Чай заплесневел. Кресло пустует.

По столу расстелены карты местности, папки с документами, ручки, циркули и маркеры, листки с распечатками вырезок из газет. На некоторых из них нарисованы йети, нло, ракеты. А на одной вместо картинки, текст статьи огибал табличку «КГБ».

Я взглянул на карту. На ней кусочек местности обведён в большой красный круг и написано: «Зона поиска». Внутри круга нарисован чёрный круг поменьше и подписан: «Зона исчезновения». В центре круга стоит жирная жёлтая точка: «Сигнал».

В радиусе красного круга маленькими синими кружочками обведены и пронумерованы ущелья и гроты. Ворох бумаг закрывал часть карты, и я отодвинул их. Случайно зацепил циркуль и уронил его на пол. Нагнулся поднять и увидел под столом на ящике надпись: «Для Майка».

Я открыл ящик под надписью и достал толстый ежедневник. Раскрыл его примерно посередине и прочёл:

***Запись #111***

*Сегодня прибыл молодой парень на свою первую экспедицию. Такое редкое событие грех не отметить. Сегодня устроим ему посвящение. Ох, завтра голова болеть будет, выходной возьму.*

*Смотрю на него и вспоминаю свои первые деньки на станции. Ну как его, такого мальца зелёного, родители вообще сюда отпустили? Придётся за ним присматривать.*

*Нормально посидели, повспоминали свои первые экспедиции. Советов Мишке надавали. Парень, правда, ещё на середине гулянки уснул.*

*А мы это только под конец заметили.*

Я пробежался глазами чуть дальше по записям:

***Запись #123***

*Получили поставку с продсклада. Опять напихали этих ананасов. Достали, ну не ест их никто! Они потом на полках тухнут, вонь стоит страшная. Лучше б капусты столько тащили сюда, да молочки побольше.*

*Сегодня поедем с Мишей и Мишей по нашей пустыне кататься. Покажем ему наши маршруты и полярную красоту.*

***Запись #124***

*Короче, путаемся мы в этих Мишках. Особенно, если по рации разговор. Договорились, что кинолога будем звать Мишей. Собственно, как и всегда. А новичка будем звать Майк. А когда вырастет совсем большой, будем добавлять Тайсон, хо-хо.*

*А что, я тогда тоже буду зваться – Ник. Коротко и ёмко. А то Николас – это как-то серьёзно и по-стариковски. А я молод и ~~добр~~ бодр. Ну, и добр, да.*

Я с улыбкой вспомнил тёплые моменты моего знакомства с севером, станцией и Ником. И пролистал в конец исписанных страниц.

***Запись #343***

*Завтра Майк отправляется в поездку. Кой-какое барахло повезёт биологам нашим. Они говорят, новый вид нашли. Ага. Щас им лупу привезут, они в неё посмотрят и скажут: ой, так это старый вид. А им покажут потом за такое… За лупу.*

*Я б давно им показал. Вредные они ужасно. Такие же работяги как мы, а строят из себя непонятно кого.*

***Запись #344***

*Погода прекрасная по моим тонометрам. Показатели в норме. Майк в норме. Я в норме. Всё просмотрел, просканировал. Ух, как поработал, аж чай закончился.*

*Отошёл налить чайку. Вернулся – все датчики в пике. Начался буран, хотя предпосылок не было. Он появился из ниоткуда. Без какого-либо циклона. Я связался с соседними станциями, спросил их показатели. Видят ли они то же, что и я. Они подтвердили. Беда.*

*Связался с Майком. Связь плохая, на середине оборвалась.*

*Запустил дронов, плевать, что в буран нельзя. К чёрту!*

*Буран исчез через несколько минут так же резко, как и начался. Запросил поддержку людьми с соседних баз. Отзвонился начальству о происшествии. Сказали, пришлют людей. На поиски дают неделю. Поднял на уши всех на станции. Помчались на место происшествия.*

*Вернулся с поисков. Искали до ночи. Обнаружили вчера ронту Майка и 8 собак. Рюкзак и вещи лежат в санях. Плуто пропал, вместе со своим сигналом. А сигнал от Майка идет из грота, недалеко от места обнаружения его саней. Но его самого найти не удалось. Эхо-дроны «прозвонили» толщу снега и льда вокруг и вглубь. Тела не обнаружили. Возможно, его личный трекер занесло бураном, а ему удалось где-то укрыться.*

*Я верю, что мы его найдём.*

*Собачья упряжь, кстати, оторвалась от повозки. Может быть, он врезался во что-то. Хотя… Тогда б сани перевернулись или был бы след от удара.*

*Ещё, к ронте был привязан трос, будто он им обвязался и искал что-то вокруг вслепую.*

***Запись #345***

*Со станции «Тацита» трезвонят с самого утра. Хотят в срочном порядке оборудование. А у нас тут ситуация чрезвычайная. Какое, к чёрту, оборудование?! Какие, мать вашу, бактерии? У нас человек пропал! У меня друг исчез..*

*Нервы на пределе, что могу сказать. Наорал на них. Сказали, будут через начальство решать вопрос.*

*Да я понимаю, что у них тоже дела свои, наука на пороге открытия. Ну вы и так уже на пороге! Эти ваши амёбы ждали тысячу лет, пусть ещё подождут недельку!*

*Во вчерашнем секторе больше ничего не обнаружили. Не опускаю руки.*

*Приехали мужики на помощь с южных баз «Астра» и «Йеменка» и с северной – «Острог». Продолжаем поиски. Майк как сквозь землю провалился.*

*Нашли его GPS-карту и трос для пристяжных в гроте. Из этого грота и идёт его сигнал. Усилили поиски в этом районе.*

*Мишка сказал, что собаки не пострадали. Есть только повышенная тревожность у Айо. Она бегает по вольеру туда-сюда и скулит.*

*Мишка наш очень переживает за Плуто. Заплутал где-то бедняга.*

***Запись #346***

*После обеда на вертолёте прилетели трое. Представились экспедиционным отрядом аварийно-спасательных работ от компании «Пандорум». Впервые слышу. Какие-то они мутные. Зовут их Антон, Герман и Патрик.*

*Спросил у мужиков, с соседних баз. Говорят, что все сотрудники застрахованы, и у всех станций контракт с какими-то фирмами на такие случаи. Как называется наша фирма, не сказали.*

*Пробил по своим каналам этих ребят. Нигде не всплыли. Абсолютно. Вообще никаких записей. Что-то здесь нечисто совсем.*

*Миша начал пить. Я пытался его вразумить. Убеждения не помогли.*

*Эти пиджаки, аварийные спасатели, чёрт бы их побрал, понавтыкали тут всюду своего оборудования. Один у меня в кабинете сидит, ковыряется в компе, настраивает что-то, говорит. Второй пошёл у Майка в вещах шариться. Третий, вон, у Мишки-кинолога ошивается с собаками. Еле от него отбился, чтобы собак пристегнуть и на поиски уехать.*

***Запись #347***

*Что-то от них спасательством и не пахнет совсем. Аварийники чёртовы. Ни на один поиск с нами не ездили. Всё сами, особнячком. Изредка куда-то выезжают. При чём, у них интересные лыжи какие-то. С моторчиком, что ли? Плоские, серебристые, гладкие. Встали на них и понеслись. А там, даже крепления нет. Думаю, ботинки на магнитах к лыжам пристёгиваются. С такими и снегоход никакой не нужен.*

*Майк точно живой где-то застрял. Я чувствую. Прям места себе не нахожу.*

*Сегодня едем его искать, а после, поеду к ботаникам, отвезу им эти калейдоскопы проклятые. С утра попросил Мишу подготовить Сани. Топливо для снегоходов экономить надо, чтоб лишний раз в зону поисков смотаться.*

*Приехали с поисков. Пусто. Не там где-то ищем. Я когда расщелину какую нахожу или грот, у меня прям сердце колотится в предчувствии.*

*Не могу я просто так это спасателям оставить. Сам его найти должен. А если не найду… Как я матери его в глаза смотреть буду? Он же у нас не погибшим числится, а пропавшим без вести. Мать, небось, себе там места не находит. Для неё-то это вообще удар.*

*Пришёл к Мишке, а тот пьяный лежит. Видать, всё… Надежду совсем потерял. Ладно, хоть сани подготовил. И на том спасибо.*

*Только под ночь до «Тацита» добрался.*

*Привёз, значит, и говорю, ставьте подпись, я обратно поеду. Нет, говорят, надо завтра уже приёмку проводить. Рабочий день два часа назад кончился. Ночуйте тут, а с утра начнём принимать.*

*Ну, ёб… едрить твою налево, я чуть им там оборудованием этим по кумполу не настучал. Вам же так срочно было нужно, так принимайте! Это они мстят мне за то, что я тогда на них по телефону наорал. Сто процентов.*

*Сижу у «ботаников» в сторожке, собак глажу, успокаиваюсь.*

*Принесли нам еды. Собакам воду поставили. Выгуляю их и спать.*

***Запись #348***

*Ночевал здесь у них. С утра всё оформили. Поговорили, помирились. Нормально пообщались. Уладили конфликт. Утро вечера мудренее, как говорится.*

*Показали они мне своих микробов. Ничего особенного. Что-то там резистивное, какие-то бактериофаги. Нихрена не понял, но у них конечно глаза горят.*

*Попросили меня подождать ещё день, пока они подготовят образцы к транспортировке в институт. У них-то вертолёту сесть негде, местность холмистая. Короче, либо мне здесь ждать, либо завтра снова сюда ехать. Чуть опять не поругались. В общем, сказал им очень поторопиться. Сегодня мне нужно вернуться обратно, ничё не знаю.*

*Хожу взад-вперёд по складу, как зверь в клетке. Биологов подгоняю периодически. Не могу спокойно ждать. У нас поиски. Мужики с соседних баз приехали, а у них же тоже свои дела есть. Каждый день на счету. Чем дольше мы ищем, тем меньше шансов найти Майка живым.*

*Да сколько можно склянки свои паковать? Пойду их ускорю.*

*Зашёл в лабораторию, а они суетятся, орут, что без респиратора. Чё случилось, спрашиваю. А у них лаборант, второпях, колбы с образцами разбил. Я говорю, душу вашу мотал, давайте, что целое осталось и ноги моей тут больше не будет!*

*Поссорились к ёб едрене фене.*

*Еду обратно.*

*Сегодня последний день, когда спасатели с соседних станций с нами выезжают на поиски. Завтра возвращаются к себе. Понятное дело, уже неделю они тут нами помогают. А у них там работа стоит.*

*Приехал, собираюсь на поиски.*

*Вернулись с выезда. Мужики говорят – дело гиблое. Дольше искать смысла нет. Майка Север забрал.*

*Я им от всей души благодарен, но с ними не согласен.*

*Миша ушёл в запой. Я сижу и пялюсь в монитор. На точку сигнала Майка, которая исходит из грота. Не знаю зачем. Может, жду, что эта точка начнёт двигаться.*

***Запись #349***

*Утром Мишу отпаивал и приводил в чувства. Он нужен мне трезвым. Скоро закончится горючее для снегохода. Осталось на 2—3 выезда. Буду на пристяжных округу прочесывать.*

*А днём сплошная суматоха была. С Пандоры эти «спасатели» ху хотят Айо к себе забрать, какие-то исследования проводить над ней. У неё, типа, мутагены в крови. Пока мы с ними собачились, Айо сбежала под шумок. Будто, всё поняла. Миша всех чуть на британский флаг не порвал. Я не совсем понимаю, если они спасать приехали на кой ху чёрт им собака-мутант запонадобилась?*

*Ездили, искали, не нашли. Миша в упряжке. Я на снегоходе. Пандорские на лыжах. Запустили ЭХО-дроны – безрезультатно. Чертовщина какая-то.*

*Миша психанул, собрал вещи свои, вещи собак, снарядил ронту и на южные станции поехал. Говорит, больше не намерен собак терять в этом проклятом месте. Я его не осуждаю. Только вот, без собак я как буду на поиски ездить?*

*От всех этих событий совсем плохо стало. Я смотрю, все на станции начали плохо себя чувствовать.*

***Запись #350***

*Бураны пошли. Поиски прекратили. Иначе, может ещё кто-нибудь ненароком потеряться. Лучше б эти «пандоровцы» потерялись.*

*Ха! А они и потерялись. Собрали манатки свои и лыжи навострили куда-то. Прямо в буран.*

*Перед отъездом один из этих ко мне подошёл, сказал: «Мы едем Майка встречать, когда он вернётся. Можете поехать с нами и встретить его».*

*Я от этого его «когда» прям похолодел. Только, когда?*

*Да и на станции я нужнее сейчас, когда весь персонал заболел. Отказался я. Одно дело, потеря одного человека, другое дело, потеря всего персонала на станции. Я, всё-таки, в ответе за всех здесь.*

*Медик не справляется. Я помогаю ему, чем могу. Люди чихают, сопливят, кашляют сонливо, боятся тепла. А температура у них нормальная, даже ниже нормы. 35°C, где-то. Думаю, это потому, что в медблоке холодно. Хотя, реакторы работают в штатном режиме и мощности на обогрев хватает.*

***Запись #351***

*Что-то я совсем расклеился. На нервной почве, наверное. У нас на станции все как-то чахнуть начали. Надо позвонить на «большую землю» вертолёт запросить с лекарствами. А если так и дальше пойдёт, то и вообще, эвакуационный.*

*Позвонил в заповедник «Тацита» узнать, когда их вертолёт чёртов прилетит. Потому, что площадка у нас одна, две вертушки не поместятся. Может быть, получится одним вертолётом лекарства привезти и «пробники» эти забрать.*

*Молчат, никто трубку не берёт. Что-то у меня предчувствие нехорошее.*

*Сам лично не горю желанием к ним ехать. Да и топлива мало осталось, не говоря уже о затянувшемся буране.*

*Дозвонился до начальства. Говорят, про «Тациту» в курсе. У них, типа, спутниковые антенны сломались, поэтому связи нет. Говорят, ехать к ним не надо, скоро специалистов пришлют. Да и вообще, со станции выезжать нежелательно. Оставайтесь в блоке и носа не высовывайте. Чё к чему?*

*Наверное, мне так мягко намекают на карантин. Да и как они в буран специалистов пришлют?*

*Про отъезд Миши забыл им сказать и про «Пандорум» спросить. Что-то совсем заторможенно соображаю.*

***Запись #352***

*Работа встала на станции. Бросили все дела. Медблок забит. Все мои коллеги лежат лёжкой. У них температура тела 33,1°C. Я медику помогаю чем могу, но у самого уже сил нет. Я не знаю, что за хрень такая. Температура не растёт, а падает, однако людям жарко. Они снимают с себя одежду. Степан-механик, вообще, сидит за дверьми в этой стуже почти голышом. Говорит, он так легче себя чувствует.*

*Гриша, совсем не спит. Всё пытается вылечить ребят. Вот только он даже не знает, что это и чем лечить.*

*Позвонил на южную станцию «Йеменка» про Мишку узнать. Ответили, что он дальше на юг двинул. Они его впустить не могли. Приказано сверху: в связи с эпидемией гриппа, станции изолировать от связей с внешним миром и закрыть на карантин. Здрасьте, приехали. Откуда грипп на севере? Он здесь, попросту, не выживает. Я, конечно, не микробиолог, в отличие от наших в Таците, но уж такие прописные истины знаю.*

*Мдаа, беда. Это, получается я там у них надышался, сюда приехал и тут всех заразил. А мужики потом по своим станциям эту бациллу растащили.*

*Матерь Божья! Так, Мишка щас эту заразу везёт прямо на Юг, на «большую землю»…*

*Я снова звоню начальству, чтобы они остановили Мишку. Гудков нет. Связь обрубили. Ну, идиоты…*

*Всю ночь таскал обогреватели в медблок.*

*Утро*

*не спал*

*устал*

*под утро в медблоке наш геолог Тимур замёрз насмерть.*

*Мы с медиком пришли его проведать с утра, а он вмёрз в койку. Вокруг него всё заледенело какой-то паутиной, из инея. Температура его опустилась до 14 Гриша говорит, мозг человека умирает уже на 25°С тела*

*глаза слипаются окружающие на койках*

*уженичего не соображают Просто лежат и смотрят в ~~котоп~~ потолок, о чем-то думают. Мне кажется, у них мысли медленные, мёрзлые. Я сам плохо соображаю. Обычно, часами смотрю на сигнал маячка Майка на мониторе. Пью чай. С каждым разом его всё больнее пить. ~~Пью чай~~. Он всё больше ~~обгиж~~ обжигает мне горло и желудок. Но вода выше 100°С в чайнике не нагревается. Это какой-то психологический трюк моего ~~увижа~~ увядающего мозга.*

*Я боюсь спать.*

*Боюсь спать*

*Боюсь уснуть и не проснуться. И кем я умру? Тем, кто ~~прое~~ потерял всех за кого держал ответ? ~~днержал ответ~~ пока я по эту сторону сна у меня ещё есть шанс сделать хоть что-то. Я сделаю всё возможное.*

*Я держусь. Я сильный. Я держусь. Я сильный Я ем кофе*

*МАЙК*

*Ты вернёшься, «когда», а не «если».*

*Так вот, когда вернёшься, меня уже не будет здесь. Я уйду вслед за моей «стаей». Мы обречены. Но тебе удалось спастись, потерявшись. И надеюсь, ты вернёшься живым и здоровым. Прости, что не смог тебя уберечь. Я хотел показать тебе, что молчание Севера может быть красивым. Но не смог.*

Я закрыл дневник. Подбородок задергался. Лицо исказилось в немых всхлипах. Слезные составы вновь потянулись по проторенным полотнам щёк. Я не мог вздохнуть из-за приступа горького отчаяния.

Айо прижалась к моей ноге и понимающе поскуливала.

Я устремился к медблоку. Его двери и стены были затянуты льдом. Со стен снежные корни залезли немного и на пол. Я постарался что-нибудь рассмотреть в заледеневших окнах дверей медблока. Мне нужно что-то, чтобы разбить этот замороженный кокон. Я подошёл к стене у окна, на которой висел огнетушитель. И краем глаза увидел столб чёрного дыма в окне. Первой мыслью подумал, что это туристы. Что я снова там. Я не выбрался.

– Ты чего, прямо отсюда тушить собрался? – подошедший Герман указал на огнетушитель в моих руках.

Его вид выдернул меня из объятий параноидальных мыслей. Я, глупо открыв рот, посмотрел на него сквозь слегка запотевший щиток костюма.

– А?

– Это Тацита горит, – Герман махнул пальцем на столб дыма. – Патрик уничтожает лабу. Необходимо предотвратить распространение. По хорошему… кто-то… нам нужно перетащ… пересчитать заражённых. Никто не должен вернуться на «большую землю»…кто-то… Отряд зачистки на подлёте. Нас спасут. А дальше они уже сами тут… кто-то… разберутся. Пойдём.

Я пошёл вслед за ним, сжимая огнетушитель в руках. Немного отстав, остановился. И с размаху вдарил по заледенелой корке на стекле. Звон льда и стекла рассыпался звеньями эха по коридору. Я замахнулся и ударил во второй раз со всей силы, сколько её осталось. Огнетушитель пробил снежную скорлупу и, юркнув сквозь разбитое стекло, загромыхал по полу медотсека. Воздух наполнился знакомым запахом корицы. Айо тявкнула на меня от неожиданности. А Герман подлетел ко мне и оттолкнул от двери:

– Ты что творишь… кто-то?! Костюм повредишь, твоё… и всё твоё возвращение насмарку!

Я заглянул в пробитое окно на двери медотсека. Мне удалось зацепить взглядом койки, покрытые стекающим льдом. Внутри них, как в куколках бабочек, билось что-то иссиня чёрное. В середине проходов лицом ко мне сидел Ник в нескольких куртках, проглядывающих из-под толстого красного тулупа. Окружённый обогревателями и термосами у ног, с винтовкой в руках. Выглядел он как-то окоченело, кожа почти фиолетово-оранжевая, красные мешки под глазами и белки покрытые сеткой лопнувших капилляров. В следующее мгновение его взгляд резко двинулся и вцепился в меня. Сердце у меня ушло в пятки. Всё в организме как-то опустилось. Я не мог понять этот взгляд. Ощущение, будто вид из окна, который ты видишь всё детство, вдруг резко сменили на нечто иное. Нечто неродное или инородное… На то, чего быть не должно.

– Кто-то… – тихо прошептал Герман, стоя рядом и отталкивая меня. Крикнул:

– Беги отсюда! К вертолёту!

Я покачал головой, пытаясь вернуться к разбитому окошку. Внутри болталась мысль, отскакивая от стенок черепа: «Он жив!».

– О ыф, – пытался я донести простую мысль до Германа, будто забыв человеческую речь. – Ом ыф!

Герман снова толкнул меня к выходу и перегородил проход к медблоку:

– Он… кто-то… уже не жив. Здесь нет живых, кроме тебя… кто-то… Уноси ноги, или я тебя унесу.

Вдруг, из медблока до ушей донесся звук разбивающегося льда. Я почему-то живо себе представил как из мутно-матовых толстокожих коконов выбирается кто-то. И надвигается на Ника. В следующую секунду я услышал шум возни и скрежет стула. И затем оглушающий выстрел. Потом звон в ушах. Ноги подкосились от неожиданности. Я рухнул на пол. Айо начала лаять, закрывая меня от медблока своим маленьким собачьим телом.

Ещё хруст льда, какая-то возня и выстрел.

Герман застыл, глядя на меня. Пропищал браслет на его руке. Но он продолжил спать стоя с открытыми глазами. Похоже, его ослабленное сознание отключилось, спихнув все обязанности на подсознание. Ещё бы, столько дней без сна. Браслет снова выдал электрическую трещотку. На этот раз дольше на пару секунд. Я лежал на спине, заворожённый зрелищем, как электрический будильник хлещет Германа, а тот стоит, не двигаясь и не моргая, будто вмёрз в место и время.

Гулкий стук тяжёлых и быстрых шагов за моей спиной вытащил меня из гипнотического транса. Кто-то в серебристом костюме химической защиты подбежал к Герману и отключил убийственный будильник. Второй «серебристый» подбежал, поставил чемоданчик и аккуратно уложил Германа на пол. Первый распаковал чемодан, и они начали его реанимацию. Подошли ещё двое таких же и накрыли Германа серебристым одеялом. За ними вбежали несколько фигур в чёрно-красных костюмах. Коридор наполнялся серебряными и чёрными людьми, и начинал представлять собой сверкающую трубку калейдоскопа, в котором толкались муравьи. Некоторые люди держали наготове оружие, у других в руках были странные приспособления, напоминающие сеткомёты. Айо прижалась ко мне. Из-за стен медотсека доносился шум схватки и какой-то утробный булькающий вой. В нос ударил запах пороха и аммиака, что быстро вернуло меня в реальность. Запах корицы меркнул и ускользал из моих рецепторов, как рука старого доброго друга из моей руки.

– Михаил, поднимайтесь, – прозвучал плотный, бархатистый голос надо мной. В стекле маски я увидел только протянутую ладонь. – Нужно вас отсюда увести и поскорее. Они начинают вылупляться.

Я протянул здоровую руку навстречу и поднялся. Передо мной стоял человек в чёрном плотном костюме с большим количеством стягивающих ремней с красными фастексами. Маска у него более облегающая, чем у моего костюма, с фильтрами по бокам.

– Я руковожу вашей спасательной операцией. К сожалению, мы столкнулись с непредвычисленными обстоятельствами и ситуация сильно обострилась. Прошу вас, следуйте за мной, пока ваш друг выигрывает нам время.

«Друг»

«Выигрывает»

«Время»

Мысли уже походили на лениво сменяющиеся кадры в замедленном произведении.

Мы быстро прошли на кухню. Там мой спутник включил все плиты. Затем вышли через зал столовой в коридор, ведущий к лестнице вертолётной площадки. Внезапно в коридоре выключился свет, и мы остались в полной тьме. Через некоторое время Айо начала излучать голубоватый свет.

– О, я не могу поверить своим глазам! Это прекрасно! – восхищённо восторгался мой спутник, увидев светящуюся собаку. – Я предполагал, что это необычная собака, но видеть это вживую – невероятно.

Мы бежали к лестнице, а мой спутник всё не замолкал:

– Михаил, вы можете мне сказать, почему так назвали свою собаку?

Я промолчал, даже не пытаясь ответить.

– Ах, да, простите… Знаете, это удивительно, что вы её назвали так. У нас в организации само понятие «Айо» – это нечто, вроде, оси времени и пространства, проходящей сквозь все слои мироздания. Это, скорее даже, сила, которая связывает всё живое, мёртвое, мыслящее и вымышленное. Бесконечной лентой Мёбиуса в этой силе соединяются частицы и галактики, прошлое и будущее, инстинкты и желания, Альфа и Омега.

Мужчина вдохновенно рассказывал. Меня восхищало то, что жизнь предусмотрительно подарила хорошую дыхалку такому говорливому человеку. Мы вбежали в дверь с лестницей к вертолётной площадке. Его молчания хватило на пару ступенек. Далее он продолжил:

– Я думаю, эта собака может проходить сквозь слои без «затрат» на переход. Наша организация занимается исследованием аномалий, в том числе. Не знаю, зачем я всем это рассказываю. Как правило, слушатели потом плохо заканчивают: смертью или работой у нас.

Мужчина коротко хохотнул, не сбавляя ритма. Показалось, что теперь он замолчит, но так только показалось.

– Скажу честно, мы могли бы забрать только собаку, но, так как она испытывает к вам чувство привязанности, мы предлагаем вам сотрудничество. К тому же, у вас есть опыт хождения сквозь слои, вы многое видели и могли бы с нами поделиться информацией. В обмен на соглашение обязуемся вернуть вам речь, посредством высокотехнологичных имплантатов. Подумайте, пожалуйста, над моим предложением, пока будем лететь в Пандорум. На месте мы окажем вам необходимую медицинскую помощь независимо от вашего решения.

Мы наконец поднялись на крышу станции. Сердце захлёбывалось ударами. Утренний ветер ласково обдувал лицо, огороженное защитным костюмом. Солнце только-только выкарабкалось из-за горизонта. Небо ясное, будто помолодевшее. По небу летит вертолёт. Морозный свежий воздух щедро раскидывает звук лопастей по окрестностям, стараясь закинуть его как можно дальше.

Мы погрузились в вертолёт. Пристегнул Айо к сиденью, почесал её за ушком и сел. В поясницу знакомо ткнула фляжка. Я нисколько не удивлён, что она снова оказалась на поясе. Ведь там, в лесу я заплатил кое-чем другим. Более ценным, чем материальное.

В последний раз посмотрел на мою уютную и любимую станцию. Мысленно попрощался с ней и Ником. Мы начали взлетать. Напоследок я взглядом обнял большой припорошенный снегом стенд:

*Метеорологическая Научно-Исследовательская Станция «Омега»*.

# Истинное желание

В магазине, как всегда, работала только одна касса. На второй сидел самый медленный в мире кассир, поэтому Гена за рабочую её не считал. Хвост очереди заканчивался где-то в торговом зале, и Геннадий краем уха слышал, что покупатели спрашивают: «Кто последний?»

«Прямо как в поликлинике», – подумал он. Гена стоял с корзиной продуктов для праздничного стола в честь своего юбилея. Ему сегодня 30. Через пару часов приедут гости. Жена будет готовить салаты и закуски, а Гена будет убираться с неистовой силой, потому что отложил генеральную уборку на последние часы последнего дня. Осталось только дождаться своей очереди.

– Откройте ещё одну кассу! Вы издеваетесь?! Посмотрите какая очередь! – кричала женщина где-то в хвосте очереди.

«Вот именно!» – мысленно поддакивал возмущениям за спиной Геннадий. Сам он не кричал и не устраивал скандалов. Он не из крикливых.

Наконец очередь дошла и до него.

Кассир гневно смотрела на маленький печатный принтер, который пищал и требовал новой чековой ленты.

– Подождите, пожалуйста, минуточку… – кассир нервно начала искать чековую ленту в коробках под кассой, шелестя пластиковыми упаковками и целлофановыми пакетами.

Геннадий исступленно пыхтел и двигал ноздрям, обращая всему миру своё недовольство. Поглядывал, то в обращенные на него лица, стоящих в очереди после него, то на кассира, то на часы. Ментально указывая всем на причину их задержки, чтоб не подумали, будто это из-за него; будто это он притягивает неудачи.

Пока кассир меняет чековую ленту, расскажу немного о Гене. Он работает в бухгалтерской фирме. Фанатично экономит. Коллекционирует монеты. Весьма корыстен. Родился в год Крысы. По гороскопу рак. Женился по расчёту на Евгении, которая занимается, разного рода, эзотерикой: раскладывает таро, составляет натальные карты, решает кармические проблемы с помощью нумерологии. Гена в это не верит, но если находятся люди, которые несут ей огромные деньги за это – пусть занимается. Одевается Евгения просто, безвкусно и дорого. Геннадий курит, пьёт. Часто жалуется на судьбу. Красив постольку, поскольку.

– Пакет? – спросила кассир тоном, будто встретила бывшего одноклассника-отличника в канаве в непотребном виде.

– Нет, у меня свой, – с деловитой гордостью ответил Геннадий.

– Оплата наличными или картой? – спросила кассир, покрасневшая от впившихся в неё пассивно-агрессивных взглядов толпы.

– Картой, – ответил Геннадий и приложил карту к терминалу.

Терминал начал что-то противно пищать о том, как обидно мало не хватает средств на карте. Сердце Гены рухнуло в пятки, и взгляд он опустил следом, чтоб ненароком не встретиться им с людьми.

В толпе начались волнения. Воображение Гены рисовало на периферии сознания вилы и факелы. Запахло инквизицией. Кассир смотрела то на толпу, то на экран, то на Геннадия, недовольно вздыхая и гневно раздувая ноздри.

Гена, в свою очередь, весь скукожился в поисках купюр или монет. Дрожащим, упавшим голосом спросил:

– Кос… Сколько не хватает?

– 19 рублей, 99 копеек, – отчеканила кассир, делая акцент на шипящих согласных, которых в предложении не было.

– У меня тут… Где-то… Сейчас… Пробейте пока, сколько есть, – Гена нервно шарил по карманам. На лбу проступил пот. В горле пересохло. Давление подскочило. Сахар упал.

Кассир провела смешанную оплату и оплатила его картой, насколько хватило. Геннадий не носил с собой наличных. Ведь, за оплату картой можно получать кэшбэк. А ту сумму, которая не нужна в данный момент, можно перевести на сберегательный счёт и заработать ещё копеечку.

– Вот! – высокий крепкий седой мужчина со шрамом на щеке звонко шлёпнул полтинником на специальное блюдечко для денег на кассовом столе. – Без сдачи. Не благодари..

– Спас… – начал было благодарить Гена, но осёкся на полуслове. Обиженно сложил покупки в пакет и убрался из магазина.

Поход до дома он провел в размышлениях, бубня себе под нос:

– Не, ну он тоже, такой – без сдачи. Я б мог и себе сдачу оставить, в таком случае. Чего так рубить сразу? Ещё и «не благодари», смотри-ка. Благородный какой… Да и вообще, за задержку могли б и простить мне эти копейки. У меня же день рождения.

Он немного замедлился и на секунду открыл рот, и распахнул глаза от светлой мысли влетевшей в голову.

– Точно! У меня же день рождения! Мог бы и скидку попросить. Может ещё больше бы сэкономил. Ой, дурааааак…

Светлая мысль сменилась серой грустью от упущенной экономической выгоды. Он ускорил шаг.

* * *

– Ну где тебя носит? У меня уже духовка на второй круг пошла! – начала с порога пилить мужа Евгения.

– Да там, на кассе передо мной все тормознутые, а касса как всегда одна работает, – раздеваясь, ответил Гена и добавил. – И вообще, не кричи на именинника!

– Иди зал убирай, именинник! – крикнула жена из кухни, унося пакет с продуктами.

– Вот так всегда, работаешь, экономишь, стараешься, а уважения никакого, – причитал Гена тихо, но так, чтоб было слышно на кухне. Шаркая старыми тапками по полу, направился в зал. – Даже в собственный День рождения. Дааа…

– Хватить бухтеть, как дед! Тебе же сорок исполнилось, а не девяносто! – справедливо заметила из кухни жена, перекрикивая кипяще-скворчащий ансамбль на плите.

Гена взял пульт с дивана и сделал погромче телевизор, почти всегда фоном работающий. В эфире рассказывали про переполох в какой-то психлечебнице.

Бестелесный жилец всегда наблюдал своим жидкокристаллическим глазом за происходящим в квартире, и что-то бормотал на уровне громкости «12». На таком уровне, чтобы не вмешиваться в разговоры хозяев, но и, чтобы незаметно надиктовывать им нужные точки зрения. Ночью подсознание спящих перемешает этих подкинутых паразитов с личными мыслями. А утром мозг примет их за своих и будет вынашивать наравне с остальными.

Мужчина достал пылесос и начал уборку, изредка отвлекаясь на новостной телеэфир. В процессе он перебирал в голове варианты, как надо было ответить на кассе тому хаму, что за него заплатил.

После чистки ковра, доставшегося от бабки по наследству, Гена быстренько прошелся пылесосом по советским дивану и креслам в режиме «Влажная уборка» и протёр пол. Вытащил на середину зала легендарный стол и расправил плечи этому атланту. Накрыл праздничной скатертью. Начал её протирать.

– Алло? – Гена ответил на телефонный звонок, нарушившую идиллию уборки.

– Ген, я подъезжаю, напомни какая квартира? – бодро спросил Саша.

– Двадцать девятая, – ответил Гена, перенимая бодрый тон из голоса брата.

– Ага, понял. Скоро буду. В магазине что-нибудь взять?

– Да, возьми вина бутылочку красного сладкого, – быстро придумал Гена, пытаясь задержать Сашу в магазине. Предполагая, что очередь там стоит до сих пор.

– Ага, понял. Давай.

– Давай.

Гена зашёл на кухню, от пленительных ароматов еды у него резко начала скапливаться слюна во рту. Сглотнув, он спросил:

– У тебя что-то готово? Давай быстрей, уже Саша приехал. Сейчас остальные подтянутся.

– Да у меня уже давно всё готово, это ты там копошишься со своей уборкой, – накинулась Женя с упрёком в ответ. – Бери тарелки, уноси. Мне ещё переодеться нужно.

Гена накрывал на стол. Женя переодевалась. Вот-вот наступит торжество.

В дверь позвонили. Геннадий вздрогнул от неожиданности. Он ожидал брата ещё минут через двадцать. Посмотрел в глазок – брат стоит. Лыбиться во все свои тридцать два.

– Кто там? – спросил он для приличия.

– Это я, почтальон Печкин. Принёс, но не отдам.

– А ну раз принёс, то заходи, – завершил Гена совершенно бессмысленный, но ритуально важный диалог.

Саша вошёл в квартиру, и вместе с ним – запах дорогого парфюма, который с размаху дал Гене по ноздрям. Брат поставил звенящий стеклом пакет и начал размашисто вприпрыжку снимать куртку.

– А ты чего так быстро? – неуверенно спросил Гена.

– А чего медлить? Я быстренько забежал в ближайший, винишко взял и к тебе сразу.

Саша наконец разулся и подступил к брату для рукопожатия.

– Ну, здарова, братец! – Саша крепко сжал и потряс рукой брата, а другой обнял, прижал к себе и похлопал. – Совсем большой стал! Скоро меня догонишь!

Саша звонко расхохотался. Так звенит старая советская люстра, когда заденешь её висюльки, снимая свитер. Он искренне рад видеть Гену. Они редко общаются, ещё реже видятся. Но каждая встреча для Саши – это повод вспомнить их детство: счастливое, беззаботное. Повод осознать себя частью семьи, которой был и является. Своей семьи Саша ещё не завёл. Жены пока нет, а смена женщин в его жизни, как система химических элементов – периодическая. Поэтому Гена и перестал уже запоминать их имена. Просто спрашивает в редком телефонном разговоре: «Как у тебя с ней?»

– Проходи, чувствуй себя, как хочешь, – Гена пригласительно протянул руки в зал, улыбаясь.

– Ага. Я сначала руки помою.

Пока Саша шипел водой из-под крана, Гена ушёл в спальню, поторопить Жену в очередной раз. Может быть, она поэтому и дерганная, что муж её постоянно куда-то торопит. А может, и сама по себе. Характер такой скверный. Кто знает?

– Ну, ты чего так долго? – вибрирующим шёпотом надавил Гена.

– Да всё я уже. Всё, – ответила Женя, сидя перед зеркальным столиком и застёгивая массивные серьги с блестящими черными камушками.

– А я, представляете… Вы где все? – начал по пути из ванной свою историю Саша.

– Да мы тут.. Готовимся, – ответил Гена из спальни и вышел в зал, натягивая смущённую улыбку.

– Представляешь, иду из алкомаркета, через дорогу перехожу, а у вас тут в супермаркете, вот на углу, который, – Саша указал рукой в неопределённом направлении. – Смотрю, чё-то полиция стоит, скорая. Все бегают мельтешат. Ну, я сквозь стеклянные двери туда глянул, а там весь пол кровью измазан и стеклом разбитым усыпан. Жесть какая-то…

– Да уж. Маргиналы… – ошарашено выдал Гена, хвастаясь словарным запасом.

Из спальни вышла Евгения в вечернем темно-сером платье в пол с блестящими переливами. На лице сияла роскошная улыбка, обрамленная красной помадой. Она приветливо вскинула брови:

– Привет, Саш!

– Привет, Жень! Выглядишь великолепно, как всегда!

– Спасибо. Как добрался?

– Да нормально, пробок не было даже, на удивление.

Пока они общались, Гена завершил сервировать стол. Он хотел было включиться в разговор, но в дверь позвонили. На пороге стояли коллеги с работы: Витя, Кирилл и Лариса Ивановна. Сисадмин, бухгалтер и старший бухгалтер, соответственно.

– Здравствуйте, проходите.

– Привет.

– Здарова!

– Здравствуй, дорогой.

Рукопожатия. Объятия. Куртки. Пакеты.

Прихожую заполонили запахи и ароматы. Сигарет, туалетной воды и духов, соответственно.

– Проходите, присаживайтесь. У нас почти все в сборе. Серёжа задерживается, – гостеприимно пригласил жестом Геннадий и пошёл вытаскивать бутылки с алкоголем из холодильника.

– Как всегда, – шутливо заметил Витя. – Надо было его на вчера приглашать. Сегодня бы вовремя приехал.

– А мы ему штрафную нальём! – весело поддержал Кирилл.

– Ну ничего, главное, чтобы ушёл вовремя, – подключилась Лариса Ивановна. – А то будет, как на работе – до утра сидеть.

Гости начали рассаживаться за столом. Гена сделал телевизор потише, на «12». Торжество началось. Аппетитно зазвенели приборы по посуде. Игриво зажурчали напитки в фужерах и рюмках. Квартиру обволакивала атмосфера празднования. То, самое чудесное настроение, когда все начинают раскрепощаться, приоткрывать сундучки своей души. Гомон стоит, но не шквал. Люди находят точки интереса, строят по ним созвездия, притираются. И от этого трения возникает искра. Это прекрасно.

Первым встал Саша:

– Ну, что. Я начну. Первый тост за именинника.

Гена расплылся в улыбке, взял фужер и тоже встал. На последующих тостах он, кстати, не вставал.

– Брат, мы с тобой давно знакомы. Можно сказать, с пелёнок. С твоих. Я знаю тебя лучше всех присутствующих. И самое главное в тебе – ты всегда знаешь меру. Когда нужно остановиться, а когда поднажать. Поэтому я дарю тебе этот набор педалей. Газ, – Саша достал из подарочного пакета левый чёрный тапок из овечьей шерсти и войлока, украшенный контрастной бежевой тесьмой, рыжими камушками и восточным орнаментом.

– И тормоз, – достал правый и расплылся в жульнической улыбке, в которой читалось «шалость удалась». – В общем, вот. Это тебе. Держи баланс – не падай!

За столом раздался смех.

– А юмор это у него семейное, значит? – шепнула на ухо Евгении Лариса Ивановна.

Евгения улыбнулась, вскинула брови и кивнула.

– Я помню, ты в детстве такие увидел у деда. Они тебе так понравились, что ты их себе «приватизировал». А у тебя ступня ещё маленькая была, но тебя это не смущало. И ты так смешно в них шастал, задирая ноги чуть ли не до головы, как ящерица.

– Сам ты ящерица, – смешливо огрызнулся Гена.

– Ну там, в пакетике тебе ещё конвертик на бензин, – добавил Саша, вручая пакет брату. Тот посмотрел на Сашу, взглядом наполненным воспоминаниями и, в то же время, чувством братского соперничества. Саша похлопал его по плечу.

Каждый конверт Гена аккуратно прощупывал на толщину под столом и затем складывал в нагрудный карман рубашки. Поближе к сердцу.

Пока все закусывали и представляли, как бегает ящерица в тапочках, Виктор ушёл в прихожую. Вернулся с подарочным пакетиком и начал свою речь:

– Гена, с юбилеем тебя! Частенько у тебя стрелял сигареты. Ну и накопился процентик, значит. Поэтому вот, тут тебе проценты и компенсация, значит. Ну и подарок, само собой, внутри.

Он передал Гене подарочный пакет. Тот заглянул в него и начал доставать подарки, озвучивая:

– Так, это проценты, я так понимаю? – он достал набор сигар, обернутых фабричной плёнкой. Витя кивнул, наливая стопку.

– А это, значит, компенсация? – Гена поставил на стол бутылку виски Jack Daniel's. В процессе, он всё высчитывал и прикидывал сколько сигарет у него «выстрелял» за всё время Витя, и окупается ли их стоимость процентами и компенсацией.

– А это, стало быть, подарок, – он вытащил конверт с деньгами. Увлекшись подсчётами он раскрыл конверт и взглядом посчитал сумму.

«Ну, где-то то и на то выходит», – подумал Гена, закончив считать, – «надо перестать ему давать сигареты».

– Ну, за тебя, юбиляр! – вскинул стопку Виктор и всё повторили за ним. Чокнулись. Выпили. Закусили.

Гости разговаривали между собой. Витя пил, выполнив свой план на сегодняшний вечер. Геннадий ел, изредка поглядывая в телевизор. По панели, с диагональю в 42 дюйма, показывали красивую жизнь каких-то известных людей. Дорогие машины, просторные дома и недвижимость за границей. Гена с трепетом впитывал эти идеалы образа жизни, высасывая мясной сок из фаршированных перцев, который уверенно ускользал по ладоням к локтям.

Лариса Ивановна выжидала момент, затем филигранно постучала по фужеру ножом, отогнув мизинчик. Все замолчали. Она подняла фужер и начала:

– Дорогой Геннадий, я знаю тебя не так давно, как твой брат. Но достаточно, чтобы понять, какой ты человек.

На последних словах Гена заёрзал на стуле.

– Я знаю, как для тебя важна статусность. Поэтому, я дарю тебе эту перьевую ручку, которой ты сможешь подчеркнуть свой статус.

Лариса Ивановна открыла увесистый фирменный футляр и передала Геннадию, таким образом, чтобы все видели, что внутри.

А внутри лежала перьевая ручка «Паркер» с позолоченным кольцом на колпачке и корпусом из ювелирной латуни цвета розового золота. Само перо на конце ручки с золотым напылением и фирменной гравировкой.

Геннадий принял подарок и засиял от счастья. Его сердце ритмично выбивало в голове: «Статус», «Статус», «Статус». Кирилл же завистливо глядел на ручку.

– Ну, за твою успешную карьеру! Только не иди на повышение раньше меня! – шутливо намекнула главный бухгалтер и рассмеялась, поднимая фужер.

«Хм, а почему нет?» – подумал Гена под звон бокалов и рюмок.

Торжество близилось к середине. Обычно в этот момент, начинаются активные действия: перекур или танцы.

Кирилл оглядел всех присутствующих. Затем прокашлялся, качнулся вперёд и поправил галстук. Никто не обратил внимания, тогда он поднял стопку и сказал:

– Тост!

Все так были увлечены беседой, что не обратили внимания. Только близ сидящий Витя потянулся рюмкой, чтобы чокнуться. Удивительным образом, рюмка Виктора всегда была полна, а он, таким же удивительным образом, пьянел быстрее всех.

Кирилл встал и сказал:

– Подарок!

Гена резко перевёл взгляд на него и неловким взмахом руки указал остальным замолчать, к своему удивлению. Гости притихли.

– Поздравляю тебя с Днём рождения! Желаю тебе долгих лет жизни, крепкого здоровья и, чтоб белые полосы были подлиннее, а чёрные покороче. Ну и побольше денег, конечно. В наше время как без них?..

Кирилл достал из внутреннего кармана три маленьких пластиковых коробочки. Размером со сплющенный спичечный коробок, но квадратные. Положил их на стол и поднял одну, показывая всем, особенно Ларисе Ивановне.

– Дарю тебе редкие коллекционные монеты. Некоторые платёжеспособны, ими можно расплачиваться, но всё-таки не стоит, – рассмеялся Кирилл, купаясь в лучах внимания. – Каждая такая монеточка стоит дороже номинала. Вот у этой, например, в основание из золота и серебра инкрустирован бриллиант. Видите? Вот, у совы глаз бриллиантовый.

Кирилл продемонстрировал всем инкрустацию и у лица Ларисы Ивановны подержал монету подольше. Главбух посмотрела на монету с интересом, и без него – на самодовольного Кирилла. Тот вручил подарок Геннадию. Гена завороженно смотрел на коллекционную монету и прикидывал в уме, сколько она стоит.

– Следующая монета уже музейная, дореволюционная. Ей ничего оплатить нельзя. Говорят, она была найдена при разграблении царского поместья. Но химическим способом, бережно отмыта от грязи, времени и крови, – Кирилл рассмеялся, посчитав эту шутку белоснежно остроумной. – Вот, можете полюбоваться – музейный экспонат.

Кирилл пустил монету по рукам, чтобы все могли её разглядеть. И начал с Ларисы Ивановны. Она, не глядя на монету, передала её дальше. Гена немного запаниковал, оттого что его монета пошла по рукам в обход него самого.

– Ну и следующая монета: 50 копеек 2001 года. Не обращайте внимания на номинал. Её ценность в редкости тиража, потому что их чеканили не для оборота. Среди коллекционеров за ней идёт охота!

Кирилл показал монету всем, кроме Ларисы Ивановны и передал Геннадию. Та попросила у Гены монетку посмотреть.

Для Кирилла не представляли ценности эти сокровища. И он не считал потраченных на них денег. Главным сокровищем для него было внимание, которое он сейчас получал и завистливые взгляды, которые на него бросали. Особенно его эго тешил многозначительный взгляд Евгении.

Гена поблагодарил Кирилла и убрал монеты в карман брюк. Затем все звонко чокнулись фужерами и рюмками. Выпили. Закусили.

В дверь позвонили.

– О, а вот и опоздуны! – воскликнул пьяный Витя.

– Жень, откроешь? – мягко попросил Гена.

Женя открыла дверь и вошёл Сергей. Скромный, замкнутый. Верующий. Работает аналитиком с Геной. В прихожей не осталось места для запахов.

– Привет, Жень. С именинником тебя.

– Привет. Спасибо.

– Чего опаздываем? – спросила она укоризненным тоном.

– Да я, вроде, вовремя, нет? – он окинул взглядом зал, стол, гостей. Остановился на часах и указал ладонью. – Да ничего я не опоздал. Вон, время – семь, как раз.

Все посмотрели на часы. Они показывали «19:00».

– Хм, смотри-ка и правда вовремя. Так это мы что ли рано пришли, – полез за телефоном Кирилл. Остальные на несколько секунд прилипли взглядом к часам.

– А, так это часы встали. Вон секундная стрелка дёргается и не движется, – заметила Лариса Ивановна

– Ну да, у меня на телефоне 19:49, – подтвердил Саша.

– Ох, и фокусник! Хорош, – восхищался Кирилл.

– Ладно, проходи. Сейчас мы тебе штрафную нальём, – пригласил его за стол Гена, после рукопожатия.

Сергей положил себе салатов в тарелку. Поднял стопку и встал.

– Так, ну раз пить, то за именинника. С юбилеем, Гена! Пусть удача всегда благоволит тебе, и на всех перекрёстках судьбы будет гореть зелёный свет. С днём рождения!

Чокнулись. Выпили. Закусили.

– Ну, я это, думал, чего б тебе подарить и, в общем, ничего не придумал. Лучше тебя, никто не знает чего ты хочешь по-настоящему. Так что, вот тебе конверт – сам выберешь, как говорится.

«Это где так говорится?», – машинально задумался Витя. Его стадия опьянения достигла уровня «философские размышления».

– Ну и, чисто символически, – Сергей снял с шеи подвеску на плетеном чёрном тросике с потрясающей красоты камнем, размером с куриное яйцо. С полупрозрачной основой, местами с тёмными пятнами, где-то с белыми, а внутри, в самом центре, расходились шарообразной формой фиолетовые нити, переходящие в сиреневый ближе к поверхности камня. – Вот такой подарок, как говорится, материальный.

«Да нигде так не говорится», – подвёл вывод под мысленным процессом Виктор.

– Это кулон из метеоритного камня. Мне его привёз дед из одной геологической поездки по Тунгусской тайге. Дарю его тебе на удачу в долгий жизненный путь. Как говорится, удача – спутник смелого.

«Ну, ладно, так ещё говорится», – дошёл до стадии принятия Витя. Его взгляд удваивал всё, что видел. Будь он сейчас в казино – разорился бы.

– В общем, вот. Давай надену тебе сразу. Среди тунгусов ходит поверье, если потереть в ладони и загадать желание, то оно обязательно сбудется, – Сергей надел камень на шею Геннадию. Евгения пошла на кухню за подарком.

– Спасибо, но я в эти сказки не очень верю, – сказал Гена и добавил, чтобы смягчить. – Я уже, знаешь, и на одинаковые цифры на часах желание загадывал, и на падающую звезду, и на Новый год желание сжигал в бокале с шампанским. Не работает ничего.

– Ну, а ты с метеоритом попробуй. Всё-таки сегодня у тебя День рождения, – оспаривал Серёжа.

– Ну ладно, допустим… – поддался Гена, сжал в ладони висящий на шее камень и сказал. – Хочу… Ну, чтоб… В комнате свет погас.

В комнате резко потемнело. Люстра над столом погасла. Витя, сидящий спиной к телевизору, ошарашенно подумал, что напился в край и ослеп. Туман темноты подсвечивало лишь свечение телевизора. Повисла тишина. Некоторые молчали с открытым ртом. За них бормотал телевизор.

– С Днём рожденья тебя, с Днём рожденья тебя, – из кухни вышла Евгения с тортом и свечками, и не попадая ни в одну ноту, напевала поздравительную песню. Она несла торт перед собой, рассекая светом свечей тьму, как ледокол.

Напряжение спало. Все как-то облегчённо выдохнули. Виктор выдохнул особенно, затем выпил и закусил. Все начали хлопать и скандировать: «Поз-дра-вля-ем! Поз-дра-вля-ем!».

Сергей похлопал Гену по плечу и радостно воскликнул:

– Ну вот! Работает!

Геннадий пребывал в смятении и криво улыбался. Вроде бы, ситуация стабилизировалась, праздник продолжается, но какой-то мерзкий тёмный червячок сомнения в недрах души начал медленно и понемногу грызть чувство спокойствия.

– Ген, ну ты чего, загадал? Задувай!

Именинник вышел из оцепенения, быстро выдернул на поверхность сознания желание «хочу много денег». Ярко нарисовался в мыслях сейф в спальне, набитый деньгами. Он сжал ладонью метеорит, глубоко вдохнул и задул свечи на торте.

Аплодисменты достигли апогея с возгласами и прекратились. Лариса Ивановна нагнулась к Евгении, когда гомон за столом достиг уровня громкости телевизора, и спросила полушёпотом:

– А ты чего сейчас-то торт вынесла? Мы ж даже горячее не ели.

– Да я не знаю. Мне показалось, сейчас самое время, – спокойно ответила Женя.

– Ну вот, он же сейчас будет стоять и таять. А у нас даже чая нет, – продолжала попытки вразумить Женю Лариса Ивановна.

Евгения окинула стол взглядом и, не заметив чайных пар, кивнула ей, хмуря брови:

– Да, знаете, что-то я и вправду поторопилась. Не знаю, что на меня нашло.

– Ну, зато какой эффект получился! Вы с Сергеем это заранее обговорили? А как вы узнали, что он загадает? Или Гена тоже с вами в сговоре был, и всё это представление только для нас?

– Да ничего мы не обговаривали ни с кем. Просто… Просто меня что-то подтолкнуло это сделать. И…В общем, я решила, что это подходящий момент, – начала объясняться Евгения, мысленно прокручивая события в обратном порядке, будто не веря в свои слова.

Их диалог нарушил Кирилл. Он встал и отчеканил:

– Тост! За именинника!

Затем достал из кармана бумажник, из него достал все купюры и вручил их Гене со словами:

– Дарю!

За столом повисла неловкая пауза. Затем наступила какая-то суета. Саша встал из-за стола и шлёпнул ладонью на стол, перед ошарашенным Геной, пачку денег со словами:

– И я дарю!

Тут все остальные резко подорвались со своих мест: Лариса Ивановна и Серёжа направились в прихожую к сумкам и курткам; Евгения ушла в спальню к шкафу, в котором у неё лежат денежные накопления на чёрный день; Витя с упорством альпиниста пытался ровно встать со стула и устойчиво направиться в прихожую, дабы присоединиться к денежному перфомансу.

Гена не мог произнести ни слова от удивления. Ему это всё казалось сюрреалистическим сном, но нельзя сказать, что ему это не нравилось. Скорее, он бы хотел, чтобы это выглядело более естественно, более искренне.

Он испытывал странное чувство жуткого удовольствия. Его пугал вид Виктора, который не мог справится с собственным телом и гравитацией, облокотившись на стену, протирая кожу об обои и шкафы, не испытывая чувств, шёл к своему портфелю, чтобы принести Геннадию деньги на стол.

Но от количества купюр на столе перед собой Геннадий испытывал удовлетворение и трепет. Однако, где-то в глубине души боролись два маленьких чувства тоски: «Это нужно вернуть» и «Это может прекратиться».

Гену разрывало от чувств и эмоций, он испытывал какой-то наркотический приход. И ему это нравилось. Он трясущимися руками торопливо сгребал деньги в одну пачку, и от её толщины у него даже началась эрекция.

«Они принесли с собой столько денег, а мне подарили всего лишь жалкий мизер от этой суммы», – подумал Гена переводя взгляд с пачки купюр на столе на пачку денежных конвертиков в нагрудном кармане.

– Эмф.. Это… Кхм-кхм, – Геннадий прокашлялся и сглотнул, не веря в происходящее. – Это всё мне?

– Да! – хором, почти в унисон ответили дарители, зачарованно уставившись в юбиляра.

Из-под стола вытянулась рука пьяного, невменяемого Виктора. В руке он сжимал мелочь и пару помятых, как он сам, банкнот. Он протянул их Гене, тот бережно принял подарок. Витя ещё пытался что-то сказать, но замутненный мозг отказался ворочать языком, поэтому он просто поздравительно промычал.

Геннадий ловко уместил купюры и монеты в одной руке, стремительно убежал в спальню, будто вор, и второй рукой открыл сейф. Бережно положил всё на полочку к остальным деньгам. Вытерев слюни рукавом, поспешно закрыл сейф и вернулся за стол.

Гости сидели как обычно, будто и не было никакого массового помешательства. Только Витя сменил место дислокации и мирно посапывал на диване протёртой щекой вверх. Гена с шумным выдохом сел на стул:

– Может, пойдём покурим?

– Да, пойдём, – бодро согласился Саша.

– Поддерживаю, – сказал Кирилл.

Все встали и направились на балкон, но тут в дверь позвонили.

– Идите, я сейчас, – махнул им Гена и направился к двери.

Взглянул в глазок и спросил: «Кто?».

За дверью на лестничной площадке стояла толпа людей, переминаясь с ноги на ногу. Один хвост толпы уходил на верхние этажи, другой на нижние. Они хором ответили ему: «Мы!».

У Гены проступил пот на лбу. У каждого из них в руках он разглядел по пачке денег. Он облизал пересохшие губы и крутанул замок. Открыть получилось с третьего раза.

Он принимал деньги и благодарил в ответ на какое-то механическое: «Дарю». Это напоминало заевшую пластинку:

– Дарю!

– Благодарю!

– Дарю!

– Благодарю.

– Дарю!

– Благодарю…

Со временем Гена терял энтузиазм, да и деньги уже не помещались ему в руки. Гена схватил в прихожей ближайший пакет и складывал купюры в него.

Дарители были одеты в домашнее: халаты, пижамы, растянутые треники и заляпанные майки, выцветшие шорты, семейные трусы. Кто-то в тапочках, кто-то в носках, а кто-то и босиком. Жильцы после вручения подарка уходили на верхние этажи, или нижние, в зависимости от того, в какой очереди стояли.

Когда к нему подошла измождённая женщина, кормящая малыша грудью, и протянула пачку денег, Гена засмущался. Но пересилил себя и взял деньги. Как говорил Витя: дают – бери.

Последними подарили деньги соседи по лестничной площадке. Гена молча принял купюры в пакет. Когда эхо захлопнутых ими дверей стихло, он перевёл дух, защелкнул все замки.

Сердце колотилось, как бешеное. Он боялся посмотреть в пакет, потрогать его, удостовериться в его реальности. Совесть его не волновала. Его беспокоила сохранность денег.

Прижимая пакет к груди, он молча прошёл через зал в спальню. На него не обратили внимания, в принципе, как и всегда. Через толщину пакета он ощущал пульсацию собственного сердца.

В зале на кресле спал Виктор. Евгения с Ларисой Ивановной сидели за столом и общались. Сергей, Саша и Кирилл разговаривали на балконе.

Гена закрыл дверь за собой в спальню и начал перекладывать деньги в сейф. Получилось точь-в-точь, как в его мимолётной ассоциации, когда он загадывал желание на свечах.

Гена аккуратно сел на постель и задумался:

«Так это что, теперь, все желания мои исполняются?».

Он зарылся руками в своих редких, жидких волосах. Залился истерическим смехом и откинулся на кровать.

Дверная ручка задёргалась. За стуком в дверь последовал взволнованный голос Жени:

– Гена, у тебя всё хорошо? Ты чего там закрылся?

Он подскочил, открыл дверь и вышел, держа ладонь на ручке:

– Да, всё в порядке. Я просто… Просто поставил телефон на зарядку. Иди, я сейчас.

Он замешкался и подумал, что ему сейчас необходимо сбросить напряжение. Рассматривая бедра своей жены в обтягивающем платье, он сказал ей вслед:

– Хотя знаешь, иди сюда.

Она нехотя развернулась и подошла, начиная закипать:

– Я что, тебе туда-сю…

Гена не стал дослушивать и жадно впился в её губы своими губами. Оба начали страстно дышать. Он грубо задрал ей платье и начал лапать её бедра, упирая её в дверной косяк. Женя приглушённо простонала, но в следующий миг жарко зашептала:

– Гена, там же гости в зале.

– Подождут.

– Но, это совсем…

Гена притронулся к метеоритному камню на груди и сказал, глядя в глаза жене:

– Ты всегда будешь делать только то, что я говорю.

– Хорошо, – мгновенно ответила Евгения.

Разгоряченный Геннадий вышел в зал в распахнутой рубашке, с бугорком в штанах. И, схватив камень на груди, уверенным голосом обратился к присутствующим:

– Спасибо, что пришли. Расходитесь по домам, – он указал пальцем на входную дверь, а затем перевёл палец на спящего в коматозе Виктора. – И этого с собой заберите.

Он развернулся и, напоследок, кинул им через плечо, продолжая сжимать метеорит:

– И мусор с собой захватите.

Геннадий вошёл в спальню, раздеваясь на ходу и, стесняясь, прошептал камню:

– У меня будет стоять всю ночь.

Затем он лёг в постель, подозвал жену. Сгорая от нетерпения, Гена задрал Жене платье, содрал нижнее белье и резко вошёл. Он чувствовал себя властелином вселенной и испробовал в постели всё, что хотел и мог себе представить. Плоть билась о плоть – похабно и без души.

На всю ночь его не хватило, и он уснул изможденный после 10-минутного секса.

Так он и спал всю ночь, ворочаясь от мешающей спать, непрекращающейся эрекции. Она закончилась только под утро.

Телевизор неустанно разговаривал сам с собой. Евгения всё время смотрела на мужа, пока он спал, и ждала указаний. Так прошла ночь.

Гена проснулся в ужасном физическом состоянии, невыспавшийся. Голова гудела. Он запомнил, что ему снился прекрасный сон, про деньги, власть, похоть и желания.

Геннадий повернул голову в сторону жены и вздрогнул. На него смотрела мегера с растрепанной причёской, размазанным макияжем и тёмными мешками под глазами.

– Ты чё? – Гена моментально проснулся. – Ты чё так пугаешь? Иди в порядок себя приведи.

Евгения послушно встала и направилась в душ. Гена сел на кровати, поискал взглядом на полу тапки и обнаружил на шее амулет из метеорита, который ему вчера подарил Сергей. Он резко подскочил к сейфу и открыл его. Увидел, что тот плотно набит деньгами и мелочью Кирилла. Вчерашняя реальность всплыла на поверхность сознания. Звериная улыбка натянулась на лице.

Гена сходил в туалет. Умылся на кухне, над грязной посудой. Включил чайник и закурил прямо на кухне – кто ему теперь возразит?

Насыпал растворимый кофе в кружку с надписью «Лучшему бухгалтеру». Задумался. Взялся за талисман с мыслями: «Лучшему бухгалтеру давно пора стать лучшим главным бухгалтером. Лучшим среди главных? Или главным среди лучших?».

– Пусть меня повысят!

Преисполненный важности Геннадий задумчиво мечтал о том, как переставит мебель в новом кабинете.

Идиллию нарушил телефонный звонок брата:

– Здарова, Геныч. Ну как ты, болеешь?

– Привет, немного есть.

– А я что-то совсем не помню как вчера домой добрался. Ещё и мешки с собой какие-то мусорные припёр – совсем уже башню снесло.

– Старость – не радость, как говорится, – подколол старшего брата Гена.

– Ага… Слушай, можно у тебя денег занять на пару месяцев? Я понимаю, как ты к таким вопросам относишься, но…

Я это… вчера зарплату получил и, видимо, по дороге домой где-то её потерял… всю. Может у меня пьяного отобрали. Вообще дороги не помню. Хорошо, хоть тебе успел кое-что в конверт положить.

– Хорошо, – подтвердил Гена.

– В общем, можешь тысяч пятнадцать одолжить?

– Саш, ну я не знаю. Я вот тоже на день рождения столько потратил…

– Ладно, извини за просьбу. Пока, – в голосе брата чувствовалось сожаление.

– Пока.

Геннадий задумчиво посмотрел на кипящий чайник.

«Так, ну свои деньги я ему занимать не буду. Как говорится, дай человеку рыбу, и он поест, а если дашь удочку, то… как там дальше? Да неважно. Надо не денег занять ему, а проблему решить. Точно!».

– Пусть все проблемы моего брата решатся! – взялся за талисман Гена. Ему стало казаться, что камень уменьшился. Наверное, показалось. Так часто его трёт, что уже кажется.

Он представил, как ему звонит брат и через некоторое время хвастается, что все проблемы разрешились сами собой. И сам себя мысленно похвалил:

«И я ему даже не скажу, что это я сделал. Как же это благородно!»

Сияющий и довольный собой Геннадий насыпал в кружку сахар.

Телефон вновь зазвонил, на этот раз высветился номер директора их фирмы:

– Геннадий, здарова.

– Здравствуйте, Андрей Борисович.

– С прошедшим тебя.

– Ага, спасибо.

– Слушай, тут ситуация такая. Лариса Ивановна умерла.

– Что? – удивился Гена.

– Да, ситуация грустная, конечно. Но с другой стороны, думаю тебя на её место поставить. Квартальный отчёт на носу, поэтому дело срочное. Завтра жду тебя пораньше в офисе.

– Я… Конечно, Андрей Борисович! Всё будет в лучшем виде! – воодушевленно воскликнул Геннадий.

– Ну всё, добро. Давай, до завтра.

– Ага, добро. До завтра. – повторил за начальником он.

Глаза Геннадия восторженно расширились. Где-то на задворках сознания ему было жаль вредную Ларису Ивановну. Но в авангарде мыслей были, конечно же, мысли о повышении. На радостях он взял кружку с надписью «Лучшему бухгалтеру», в которую так и не залил кипяток, и с места кинул в мусорку у стены. Кружка разбилась о пустое дно.

– На счастье! – прокомментировал Геннадий и взял другую кружку без надписей. Снова достал пакет с растворимым кофе, но содержимое в пакете закончилось.

Тогда он убрал телефон в халат. Надел подаренные братом тапочки и вышел на лестничную клетку. Подошёл к соседской двери приложил к ней руку, в другой сжал камень.

– Открой дверь, – негромко сказал Гена, обращаясь мысленно к соседке.

Замок в двери щёлкнул через несколько секунд. Он прошёл мимо тупо уставившейся на него молодой соседки в домашнем топе и коротких шортиках. Прошёл на кухню. Хотел поискать кофе, но увидев открытый холодильник взглянул на содержимое: майонез, помидоры, огурцы, листья салата, соевый соус, кастрюля с гречкой, банки с соленьями, худая пачка кетчупа, ананас.

– О! Света! – крикнул он в коридор соседке. – Почисти мне ананас!

На кухню зашла ошарашенная соседка Света. Студентка 4-го курса юридического института. Она не могла соревноваться в красоте с Евгенией, но могла соревноваться в молодости. Света собиралась на первый день подработки в адвокатскую контору, когда к ней ворвался Геннадий. Она дрожащим голосом спросила роющегося у неё в холодильнике, неприятно пахнущего мужика:

– Что? Вы что здесь делаете?..

– Не понял, – борзо бросил Гена в пространство. Затем понял, притронулся к небольшому метеориту на шнурке и повторил:

– Светочка, я говорю, ананас мне почисть и красиво нарежь.

Страх пропал из глаз Светы, её лицо наполнилось безразличием. И она покорно прошла мимо Гены к холодильнику, открыла его. Геннадий, воспользовавшись моментом шлёпнул её по заднице. Света достала ананас и понесла к раковине. Её движения напоминали движения робота или зомби.

– Выпить есть у тебя? – спросил Гена, нахально расхаживая по чужой кухне и всматриваясь в полки кухонного гарнитура.

– Да. Слева от плиты, – ответила Света бесцветным голосом.

Гена наклонился к дверце шкафчика и у него щёлкнуло в пояснице.

– Ай-ай-ай! – застонал Гена растирая защемление в пояснице. – Мазь дай мне!

Гена знал, что при защемлении чего-либо в организме нужно растереть согревающей обезболивающей мазью.

Света принесла мазь и протянула ему. Тот взял тюбик и поднёс к глазам, читая название.

– Мазь от прыщей? – Гена попытался разогнуться, но импульс боли прокатился по телу и скрючил его обратно. Он отшвырнул тюбик и гаркнул на девушку. – Ты что, дура? Дай мне мазь от боли. Согревающую.

Одной рукой Гена держался за камень, чтобы отдавать приказы, а второй за больную поясницу. Выглядел он, как криво слепленный глиняный чайник.

Нужно быть аккуратнее, когда празднуешь четвёртый круглый юбилей, ведь на утро проснёшься в категории сорокалетних.

Света тихо ушла. Дома у неё не было подобного. Следовательно, искать это нужно за пределами квартиры.

Гена проковылял в позе креветки в зал и аккуратно присел на диван. Он рыскал взглядом по комнате в поисках телевизора. Не обнаружив своего любимого собеседника, он обратился к талисману:

– Пусть появится телевизор!

В этот момент по стене перед ним и потолку поползла трещина. Бетонное перекрытие хрустнуло, разбрызгивая бетонную крошку и серую пыль. И в образовавшуюся дыру упал шкаф, сминаясь и треща, а за ним грохнулся, вдребезги разбившись, телевизор.

Гена вскрикнул и отшатнулся. Острый кусок шкафа расцарапал ему ногу. Рану защипало. Ковыляя и шипя от боли, он направился в свою квартиру сквозь облака пыли.

Дома всё напоминало о вчерашнем волшебном застолье. Посреди зала стоял стол с заветренными салатами. В центре стола царственно возвышался растаявший торт, который никто так и не попробовал. Некоторые рюмки лежали на боку, будто срубленные пешки возле шахматной доски. В прилипших к скатерти фужерах кисло дорогое вино, купленное Сашей. В ванной шумела вода. Евгения приводила себя в порядок.

Гена сел за стол и уставился в телевизор. Нажал два раза на кнопку громкости на пульте и сделал погромче на «13», чтобы было слышно сквозь шум воды. Так и не отведав ананаса, принялся за вчерашние салаты. Шёл дневной эфир новостей:

«…А также событие, которое потрясло весь город. Сегодня утром в полицию поступили многочисленные заявления от жителей дома по адресу ул. Карла Маркса, 40 о пропаже денежных средств из их квартир. За прошедшую ночь злоумышленникам удалось украсть средства из квартир целого подъезда. Однако, в органы полиции с заявлениями обратились, лишь некоторые из потерпевших. Но заявители настаивают, что соседи также жаловались на пропажу денег.

Что это было: усыпляющий газ, гипноз или техники НЛП?

Сейчас оперативники проводят следственные мероприятия на месте преступления. И они постараются найти ответы на эти вопросы.

Ну, а мы будем пристально наблюдать за ходом этого дела и сообщать вам новые подробности».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.